Европейский университет в Санкт-Петербурге
Программа «Североведение»

НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ И СЕВЕРА

Материалы к учебнику

Санкт-Петербург
2016

УДК [911.3+314](571.1/.5+571.6)
ББК 3.2+60.7
Н31

Ответственный редактор *А. М. Пиир*

Н31 Население Сибири и Севера: Материалы к учебнику. СПб.: Нестор-история, 2016. — 76 с.
ISBN

Данная брошюра продолжает серию подготовительных материалов к учебнику «Введение в изучение Сибири и Севера». Учебник должен послужить основой изучения соответствующего курса в рамках магистерской программы «Североведение» (по направлению 46.04.03 *Антропология и этнология*), развернутой с осени 2015 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Отдельные части учебника публикуются по мере готовности в виде подготовительных материалов, которые могут использоваться как учебные пособия.

УДК [911.3+314](571.1/.5+571.6)
ББК 63.2+60.7

© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2016

Содержание

Состав населения Сибири и Севера (*Николай Вахтин*)

1. «Коренные» и «приезжие» 4
2. Категории населения 7
   - 2.1. Коренные малочисленные народы 8
   - 2.2. Старое население 10
     - *Поморы* 10
     - *Казаки* 12
     - *«Русские старожилы»* 13
     - *Старообрядцы* 14
   - 2.3. Ссыльные и их потомки 16
   - 2.4. «Наследники» ГУЛАГа 17
   - 2.5. Потомки переселенцев 20
   - 2.6. Иммигранты 23
   - 2.7. «Приезжие»: после 1960 года 25
   - 2.8. «Трудовые мигранты» 26

3. Самосознание жителей Сибири и Севера 26

4. Этническая и территориальная самоидентификация 28

Литература 34

Демографические сведения о населении Сибири и Севера (*Елена Лярская*)

1. Общая численность населения 39
2. Плотность населения 41
3. Соотношение городского и сельского населения 43
4. Уровень образования 47
5. Возраст населения 51
6. Длительность проживания 53
7. Характеристика этнического состава. Численность коренных малочисленных народов 57
8. Динамика численности населения. Западный дрейф 68
9. Трудовая миграция 72

Литература 73

Николай Вахтин

СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И СЕВЕРА

1. «Коренные» и «приезжие»

Кто живет на Севере? Первый ответ, который приходит в голову: на Севере живут «коренные народы Севера». Однако возникает два вопроса: разве только они? и кто такие «коренные»?

Начнем со второго вопроса. Разделение населения Севера на «коренных» и «приезжих» не выдерживает критики и базируется на стереотипах, то есть рассыпается при попытке дать используемым понятиям строгое определение. Как справедливо пишет Ниоби Томпсон, мы не знаем, кто в данной местности «коренной», а кто просто «временный поселенец»: «приезжие» более раннего времени в последующие периоды становятся постоянным населением (Thompson 2009: 3).

Процесс превращения «пришлых» в «коренных» мы можем наблюдать как на археологическом и этнографическом, так и на современном материале. Примеров много — приведем только два.

Что делать с южным побережьем Чукотки, где в XX века были чукотские поселки, а прежде — лет за 200 до этого — жили эскимосы (Krupnik, Chlenov 2015: 67 и сл.): чукчи пришли в этот район позже, получается, что чукчи — не коренное население юга Чукотки?

Что делать с Якутией, где предки современных юкагиров, эвенов и эвенков появились в середине I тысячелетия н.э., а предки

По археологическим и этнографическим данным, якуты сформировались в результате поглощения южными тюркоязычными переселенцами местных племен среднего течения Лены. В VIII–XII веках н.э. якуты несколькими волнами мигрировали из области озера Байкал в бассейны Лены, Алдана и Вилюя, где частично ассимилировали, а частично вытеснили эвенков и юкагиров, живших здесь ранее. По-видимому, последняя волна южных предков якутов проникла на Среднюю Лену в XIV–XV веках. Некоторые группы якутов, например оленеводы северо-запада, возникли сравнительно недавно в результате смешения отдельных групп эвенков с якутами, выходцами из центральных районов Якутии (Максимова и др. 2008; Crubézy et al. 2010).

современных якутов — позже? Значит ли это, что якуты — не коренные жители Северной Якутии?

Вторая проблема состоит в том, что даже в тех случаях, когда мы можем отделить «коренных» от «приезжих», между ними всегда обнаруживаются промежуточные, «смешанные» группы. Авторы доклада о развитии человека в Арктике признают, что в сегодняшней Арктике различаются два общих типа, соответствующих двум волнам колонизации: первый — коренные народы, освоившие Арктику тысячелетия назад; второй — люди европейского происхождения, появившиеся в Арктике гораздо позднее и сохраняющие прочные связи с южными обществами. Однако «не все сегодняшние жители Арктики могут соответствовать одной из этих двух категорий. Есть группы смешанного культурного происхождения, но с выраженной идентичностью и культурой, например метисы в Канаде, камчадалы и другие группы “старожилов” в России» (Швайтцер, Чонка 2007: 45; см. также: Вахтин и др. 2004).

Что касается первого вопроса, то ответ на него, конечно, отрицательный: в современной Арктике, на Севере, в Сибири живут далеко не только представители «народов Севера». Так было и сто лет назад — хотя сто лет назад на Севере еще оставались территории, на которых никто, кроме «народов Севера», постоянно не жил. Сегодня таких территорий нет. Это еще более усложняет проблему «коренной или пришлый».

Вряд ли жители «старых» сибирских городов (таких как Томск или Иркутск, Красноярск или Новосибирск), родившиеся и прожившие здесь всю жизнь, согласятся с тем, что они «приезжие». Не согласятся с этим и потомки строителей сибирских городов, таких как Магадан или Никель, или даже таких молодых, как Братск, Байкальск или Новый Уренгой.

Существуют разнообразные попытки определить понятие «коренное население». Одна из них — формулировка Международной рабочей группы по делам коренного населения (International Working Group for Indigenous Affairs, IWGIA):

> ***Коренными*** являются народы, оказавшиеся на периферии при создании современных государств и осознающие себя коренными народами. Они связаны с определенными

территориями, где прослеживается их история. Им присущи следующие характеристики (одна или более):

- они говорят на языке, отличном от языка доминирующей группы (групп);
- по отношению к ним существует дискриминация в политической системе;
- по отношению к ним существует дискриминация в правовой системе;
- их культура отличается от культуры остальной части общества;
- они часто отличаются от основной части общества практикой ресурсопользования, будучи охотниками и собирателями, кочевниками, пастухами или земледельцами подсечно-огневого типа;
- они считают себя и воспринимаются окружающими как отличные от остального населения.

Автор этого определения — проф. Йенс Даль, директор IWGIA, Копенгаген (цит. по: Швайтцер, Чонка 2007: 46). На первый взгляд, оно точно характеризует описываемую группу, однако внимательное чтение заставляет в этом усомниться. Если для того, чтобы быть причисленными к коренным народам, достаточно осознавать себя таковыми, жить на определенной территории и иметь *один* из перечисленных признаков, то под это определение попадут и многочисленные религиозные секты (такие как виссарионитиы: осознают себя группой, живут (точнее, жили) на территории Красноярского края, «считают себя и воспринимаются окружающими» как непохожие), и мусульмане — трудовые мигранты Таймыра, и китайцы, живущие на Дальнем Востоке, и многие другие. Перечисленным группам достаточно для этого «осознать» (и объявить) себя «коренными народами».

И все же, есть ли в понятии «коренные народы» хоть какой-то смысл, или оно не является термином и используется просто как описательная метафора? Смысл, несомненно, есть: термин «коренные малочисленные народы» имеет четкое *юридическое* значение.

Распоряжением Правительства Российской Федерации утвержден *перечень* коренных малочисленных народов Российской Федерации, в том числе народов Севера, Сибири и Дальнего Вос-

тока[1] (принятое сокращение — КМНС; список см. ниже). Иначе говоря, *коренными малочисленными народами* являются те и только те группы, которые включены в этот перечень. Этим термином можно и нужно пользоваться только как юридическим. Любое другое его использование может породить лишь бесплодные дискуссии о том, какой народ «более коренной», вызвать взаимные упреки, непонимание и споры.

2. Категории населения

Есть много признаков (критериев) для классификации народонаселения, которые используются для разных научных и практических целей. Так, экономистам важно знать процент трудоспособного и нетрудоспособного населения в конкретном регионе; Министерству обороны, чтобы планировать призыв, важно иметь сведения о наличии в регионе мужчин призывного возраста; Министерству образования, чтобы заниматься подготовкой учителей, нужны данные о числе детей школьного возраста и о классификации населения конкретного региона по языку; и т.п.

Современное население Сибири и Севера — это либо потомки тех, кто жил там «всегда» («коренные малочисленные народы»), либо потомки тех, кто переселился в эти края 400, или 200, или 100, или 50 лет назад. Как уже было отмечено, эти группы никогда не оставались изолированными друг от друга: смешение, происходившее на протяжении нескольких столетий, не позволяет однозначно «приписать» конкретного человека не только к «коренным» или «приезжим», но и к той или иной группе внутри «приезжих»: человек может ощущать себя одновременно казаком (по отцу), нанайцем (по матери), потомком репрессированных (по деду), потомком переселенцев (по другому деду) и т.п.

В данном издании мы пошли по формальному пути: ниже кратко описаны категории населения Сибири и Севера, которые

---

[1] «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» утвержден постановлением Правительства Российской Федерации № 255 от 24 марта 2000 г.; позже появились изменения: в редакции постановления от 13 октября 2008 г. № 760, а также согласно постановлениям от 17 июня 2010 г. № 453, 18 мая 2010 г. № 352 и 26 декабря 2011 г. № 1145.

выделялись в прошлом (и выделяются сегодня) историками, демографами, социологами, антропологами и другими представителями социальных наук *как отдельные объекты изучения*. Это, конечно, не позволит дать однозначную классификацию населения, но поможет быстрее находить информацию в море литературы, посвященной описанию пестрого и разнообразного населения нашего огромного региона.

Большинство категорий населения, о которых исследователи писали в прошлом или пишут сегодня как об отдельных группах, выделены по нескольким признакам (по происхождению, этнической принадлежности, социальным параметрам, религиозной принадлежности и т.п.). Рассмотрим основные из них.

2.1. *Коренные малочисленные народы*

Как уже было сказано, это юридический термин; в последней редакции Перечня выделено 48 народов. Перечень утверждается Правительством РФ по представлению органов государственной власти субъектов РФ, на территориях которых проживают эти народы. Право на включение в Перечень имеют «народы численностью менее 50 тысяч человек, проживающие в северных районах России, в Сибири и на российском Дальнем Востоке на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» (Федеральный закон № 104-ФЗ).

На конец 2014 года в Перечень входили: алеуты, алюторцы, вепсы, долганы, ительмены, камчадалы, кереки, кеты, коряки, кумандинцы, манси, нанайцы, нганасаны, негидальцы, ненцы, нивхи, ороки (ульта), орочи, саамы, селькупы, сойоты, тазы, теленгиты, телеуты, тофалары (тофа), тубалары, тувинцы-тоджинцы, удэгейцы, ульчи, ханты, челканцы, чуванцы, чукчи, чулымцы, шорцы, эвенки, эвены, энцы, эскимосы и юкагиры.

Включение в данный Перечень дает существенные права и льготы, в том числе право на возмещение убытков, причиненных в результате ущерба исконной среде обитания хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности; льготы по землепользованию и природопользованию и право на первоочередной прием на работу по своей специальности в организации

«Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ

1. Животноводство, в том числе кочевое (оленеводство, коневодство, яководство, овцеводство).
2. Переработка продукции животноводства, включая сбор, заготовку и выделку шкур, шерсти, волоса, окостенелых рогов, копыт, пантов, костей, эндокринных желез, мяса, субпродуктов.
3. Собаководство (разведение оленегонных, ездовых и охотничьих собак).
4. Разведение зверей, переработка и реализация продукции звероводства.
5. Бортничество, пчеловодство.
6. Рыболовство (в том числе морской зверобойный промысел) и реализация водных биологических ресурсов.
7. Промысловая охота, переработка и реализация охотничьей продукции.
8. Земледелие (огородничество), а также разведение и переработка ценных в лекарственном отношении растений.
9. Заготовка древесины и недревесных лесных ресурсов для собственных нужд.
10. Собирательство (заготовка, переработка и реализация пищевых лесных ресурсов, сбор лекарственных растений).
11. Добыча и переработка общераспространенных полезных ископаемых для собственных нужд.
12. Художественные промыслы и народные ремесла (кузнечное и железоделательное ремесло, изготовление утвари, инвентаря, лодок, нарт, иных традиционных средств передвижения, музыкальных инструментов, берестяных изделий, чучел промысловых зверей и птиц, сувениров из меха оленей и промысловых зверей и птиц, иных материалов, плетение из трав и иных растений, вязание сетей, резьба по кости, резьба по дереву, пошив национальной одежды и другие виды промыслов и ремесел, связанные с обработкой меха, кожи, кости и других материалов).
13. Строительство национальных традиционных жилищ и других построек, необходимых для осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности» (Распоряжение правительства 2009).

традиционных отраслей хозяйствования. Физические лица, относящиеся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, освобождены от налогообложения в отношении земельных участков, используемых для сохранения и развития их традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов. Налоги не взимаются и с доходов семейных общин малочисленных народов от реализации продукции, полученной в результате ведения традиционных видов промыслов (см.: Кряжков 2010). Поэтому многие группы населения стремятся добиться включения в этот Перечень. Примером тому может служить история с поморами (см. ниже).

В 2009 году были приняты два важных документа — перечни мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации (Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р). В первом перечислены с точностью до деревни все территории, к которым применимо определение «традиционные». Во втором, занимающем всего одну страницу, указаны все виды деятельности, которые по закону относятся к традиционным. Вместе с первым перечнем эти два документа — важный шаг на пути к юридическому обеспечению прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

2.2. *Старое население*

В отличие от предыдущего определения, «старое» — не строгий термин: им мы условно обозначаем тех, кто переселился в Сибирь и на Север до середины XIX столетия.

Поморы

Так называют потомков старожильческого населения побережья Белого моря от Онеги до Кеми и некоторых других территорий. По-видимому, русские пришли сюда из земель Новгорода: «поморцы» и «поморяне» впервые в исторических источниках упоминаются в одной новгородской летописи под 1526 годом (Семушин 2012). Славянская колонизация Поморского берега Белого моря началась не ранее XIV века, хотя некоторые исследователи

Поморское согласие — старообрядческая доктрина, основы которой сложились под влиянием внешних условий. Жители Севера привыкли обходиться без церковной иерархии, сами крестили младенцев, хоронили усопших и вступали в брак без благословения священников, нередко сами же отправляли службы в часовнях. На этой основе возникло раскольническое учение, приведенное в систему и обставленное доказательствами теоретического, церковно-исторического и канонического характера: для оправдания ненужности иерархии подошла давняя эсхатологическая идея о наступлении царства антихриста в Русской православной церкви; это мнение было включено в число базовых догматов поморского согласия, а отсюда перешло и в другие секты беспоповщины (на основе словаря Брокгауза и Эфрона: Поморское согласие 1898).

относят ее к более древнему периоду. Нет единой точки зрения и на то, кто такие поморы: их называют и территориальной, и хозяйственной, и этнографической группой русских; в последние годы вопрос политизирован: некоторые поморские активисты заявляют претензии на статус самостоятельного «коренного малочисленного народа».

Поморы традиционно исповедовали одну из разновидностей старообрядчества — так называемое поморское согласие (беспоповство)[2].

На настоящий момент поморы не входят в Перечень КМНС и, следовательно, юридически не являются «коренным населением». Однако ряд шагов в этом направлении поморские активисты предпринимают. Так, в сентябре 2007 года по инициативе нескольких жителей Архангельска был организован Первый (объединительный) съезд поморского народа, который принял следующую декларацию:

1. Мы, поморы, коренной народ российского Севера, традиционно испокон веков проживающий в Архангельской, Мурманской областях, республике Карелия и Ненецком автономном округе, заявляем о своем праве на существование в качестве самостоятельного народа Российской Федерации, равного по правам другим коренным народам нашей страны.
2. Мы, поморы, заявляем о праве своего народа на сохранение и развитие собственного традиционного уклада жизни, культурного своеобразия и особой поморской этнической идентичности.
3. Мы заявляем о своем праве на владение и пользование традиционными территориями и природными ресурсами наравне с другими коренными народами Севера, включенными в Единый перечень коренных народов России.

В последующие годы было проведено еще несколько поморских съездов. Это движение породило большую дискуссию, поскольку признание поморов отдельным народом и включение их

---

[2] О современных поморах см. подробно: (Плюснин 2003).

в Перечень означало бы предоставление им широких коллективных прав. В частности, IV съезд поморов (2011) принял решение обратиться в органы государственной власти с предложением, среди прочего, запретить аукционы по продаже земельных участков в районах традиционного проживания общности поморов на побережье Белого моря и на территориях традиционного природопользования коренного поморского населения. Такое решение, если бы оно было принято, напрямую затронуло бы интересы нефтегазовых компаний[3].

Казаки

История прихода русских в Сибирь и на Север тесно связана с казачеством. Казаки вместе с купцами первыми проникали в новые места, строили укрепления, так называемые «казачьи линии». В Восточной Сибири первая казачья пограничная линия была организована в 1689 году, после заключения Нерчинского договора с Китаем. С 1745 года казаки несли службу по охране южно-сибирских степных рубежей на Иртышской пограничной линии.

К началу XX века в России существовало 13 казачьих войсковых объединений, растянувшихся цепочкой вдоль границы от Украины до Приморья. В Сибири дислоцировались четыре казачьих войска:

- Сибирское (создано в 1808 году) — владело 5 млн га лучших земель в Томской губернии, Акмолинской и Семипалатинской областях;

Происхождение казаков является предметом дискуссий. В XVI и XVII веках казаки формировались из состава сторожевой и станичной служб. Казаки, проживавшие в это время на территории Царства Русского, охраняли пограничные территории от разорительных набегов крымских татар и ногаев. К началу XIX века казаки образовали самостоятельное сословие, сторожили государственные и внутренние границы, участвовали во множестве войн. Они имели значительную автономию, широкие плодородные земли, освобождались от налогов и т.д. Казаки были организованы в «войска»: Донское, Запорожское, Кубанское, Терское, Мещерское и др. (Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Казаки>).

[3] Подробности этой дискуссии, аргументацию сторон и документы см. в журнале «Арктика и Север» за 2012 год, № 7 <http://www.narfu.ru/upload/iblock/d9d/06.pdf>.

- Забайкальское (создано в 1851 году) — ему принадлежали земли вдоль китайской границы, от Селенгинского уезда Забайкальской области до Амура;
- Амурское (создано в 1860 году) — земли войска простирались вдоль левобережья Амура;
- Уссурийское (создано в 1889 году) — его земли были расположены вдоль правого берега р. Уссури.

Сибирское казачество было довольно зажиточным. Хозяйств, имеющих до 30 десятин земли, было около 10 %, от 40 до 100 десятин — 85 %, свыше 100 десятин — всего 5 %. Такая мощная средняя прослойка объясняла высокую устойчивость казачьей общины.

Казачество в Сибири было упразднено большевиками очень рано: ключевым документом в борьбе с казаками стала секретная директива ЦК ВКП(б) от 24 января 1919 года, определившая программу жестких репрессивных мер. См. подробно: (Винокуров, Суходолов 1996: 73–77).

После распада СССР по всей России, в том числе в Сибири и на Севере, началось возрождение казаков — и как группы с отчетливым самосознанием, и как культурного движения. Казачьи организации есть практически в любом городе Сибири и Севера: только в Томской области насчитывается три «реестровых» и шесть «общественных» казачьих организаций (Кошкарева 2016). На Камчатке зарегистрировано 10 казачьих обществ («Северо-Восточный союз казаков Отдельного Северо-Восточного казачьего округа», «Петропавловск-Камчатское городское казачье общество», «Мильковское станичное казачье общество» и др.); есть казачьи общества и в Магаданской области («Колымское окружное казачье общество»); в Якутии существует «Якутский казачий полк»; и т.п.

«Русские старожилы»

Так называют потомков самых старых (XVII, XVIII, начало XIX века) переселенцев из европейской части России на север Сибири. Эти люди уходили (обычно из северных губерний — Олонецкой, Архангельской, Новгородской, Вологодской) на север и восток небольшими группами, оседали в основном вдоль побережья Северного Ледовитого океана, в устьях северных рек, смешивались с местным населением и образовывали новые сообщества, неоднородные в языковом, культурном и этническом отношении.

«Территория этих общностей распространялась от западных границ Якутии (“затундренные крестьяне”) до Камчатки на востоке и до реки Ангары и озера Байкал на юге. Наиболее известные центры — поселки Русское Устье и более мелкие поселения на Индигирке, Походск и Нижне-Колымск на Колыме, Марково и окружающие мелкие поселения на Анадыре, Гижига и Ола в современной Магаданской области, Пенжина, Слаутное и другие на северной Камчатке, десятки мелких поселений в центральной Камчатке. Многие из этих поселков были тесно связаны между собой в экономическом, культурном, языковом и родственном отношении, практиковали регулярный обмен товарами, людьми и информацией» (Вахтин и др. 2004: 27–28).

Примерно до середины XX века многие подобные группы сохраняли интересные особенности речи: их языки, с одной стороны, включали многочисленные заимствования из языков окружающего местного населения (якутов, чукчей, эвенов, коряков и др.), а с другой — имели некоторые архаичные черты северных русских диалектов, на которых говорили их предки. Необычные сочетания народного православия и местных шаманистических представлений демонстрировала и их религиозность. Сегодня потомки русских старожилов живут преимущественно в сельской местности, их основные занятия — охота, рыбная ловля, работа в поселках. См. подробно: (Вахтин и др. 2004).

Старообрядцы

В середине XVII века в Русской православной церкви произошел раскол, который был вызван церковной реформой патриарха Никона. Реформа касалась изменений в богослужебной традиции: в частности, были внесены уточнения в русский перевод Священного Писания (например, о Царствии Божьем в Символе Веры стали говорить не «несть конца», а «не будет конца»; вместо традиционного написания Ісус стали писать Іисус; и др.); двуперстное крестное знамение было заменено на трехперстное; крестные ходы теперь полагалось вести против солнца, а не по солнцу; и т.п. Значительное число верующих и церковных иерархов (протоиереи Аввакум, Лонгин Муромский, Даниил Костромской и др.) выступили против этих изменений, отстаивая «старую веру»; произошел раскол на «никонианцев» и «староверов», возникли многочисленные

«В 1875 году православный миссионер священник Н. Путилов в своей докладной записке на имя Московского митрополита <…> предложил открыть в Усинском крае православный приход. Священник писал <…>: “Я всегда скорбел, что такой прекрасный край оставлен без всякого внимания: нет ни церкви, ни школы, ни надзора. Богатые раскольники что хотят, то и делают <…> Я долго думал, как бы помочь этому краю, и убедился, что без учреждения православной церкви и школы ничего нельзя сделать”. Православный приход вскоре открыли, а усинские старообрядцы вынуждены были искать новую страну “Беловодье” <…> за Саянами — в Урянхайском крае [так называлась Тува до 1921 года, от *урянхай* — по-монгольски ‘тувинец’]. Вслед за старообрядцами туда потянулись и сибирские купцы, золотопромышленники <…> Впоследствии многие из них стали крупными предпринимателями» (Москаленко 2004: 27). Так стремление к чистоте веры лишило край тех, кто мог бы способствовать его процветанию.

раскольнические течения. Раскольников преследовали, многие вынуждены были бежать в малозаселенные восточные области страны или были туда сосланы — так сформировалось старообрядческое население Русского Севера и Сибири.

На Русском Севере было распространено поморское согласие (см. выше); там также жили старообрядцы филипповского, ааронова и других согласий. В Забайкалье и в Бурятии — так называемые «семейские» (это имя дали им местные жители, поскольку старообрядцы переселялись большими семьями, в отличие от одиноких каторжан). К началу XX века старообрядческие общины существовали в Томской, Иркутской, Якутской губерниях и во многих других районах Сибири и Севера. По переписи 1897 года в Российской империи насчитывалось 2 204 596 старообрядцев.

В силу своих традиций многие старообрядцы отказывались от вина и табака, мальчиков учили грамоте, чтобы они могли читать «старые книги». В этой среде ценилось трудолюбие; обогащение и достаток считались христианскими добродетелями. В результате из среды старообрядцев вышли многие российские промышленники (Морозовы, Рябушинские, Третьяковы, Гучковы, Кузнецовы, Марковы и др.). До конца XX века многие старообрядческие общины сохраняли особенности своих говоров. Потомки старообрядцев живут на Севере и в Сибири до сих пор; многие из них соблюдают правила «старой веры». См. подробно: (Юмсунова 2005; Старообрядчество 2007; Романова 2012).

2.3. *Ссыльные и их потомки*

Сибирь стала использоваться Российским государством как место ссылки уже с XVI века: туда ссылали опальных бояр, духовенство. По-видимому, первыми ссыльными были жители Углича, осужденные по «делу об убиении царевича Дмитрия» (1593). В Сибирь ссылали преступников, как уголовных, так и политических, военнопленных (прежде всего поляков), бунтовавших казаков, раскольников (см. выше). В XVIII — начале XX века ссылка в Сибирь активно использовалась правительством как мера наказания политических оппонентов, а также государственных чиновников и военнослужащих, злоупотреблявших должностным положением (в первую очередь казнокрадов). Ссылка в Сибирь кроме наказания преследовала еще и цель заселить пустынные места. Так, за 1761–1781 годы в Сибирь прибыло не менее 60 тыс. человек, преимущественно административных ссыльнопоселенцев, в том числе до 10 тыс. старообрядцев. Всего в XIX веке в Сибирь было отправлено более 900 тыс. ссыльных всех категорий (с учетом членов семей), в основном крестьян.

По закону XIX века ссыльнопоселенцы в течение трех лет были обязаны заниматься сельскохозяйственными работами, отдавая значительную часть доходов казне, им запрещалось покидать место приписки, за нарушение следовало наказание вплоть до каторги. За нерадение к хозяйству они также подвергались наказанию по усмотрению полиции. После трех лет ссыльнопоселенцу с особого разрешения начальства предоставлялось право отлучаться на заработки, заниматься торговлей, ремеслами и промыслами, приобретать движимое и недвижимое имущество, поселенцам-некрестьянам разрешалось жить в городах. По истечении 10, а при хорошем поведении — 6 лет ссыльнопоселенцев приписывали к крестьянским обществам с получением соответствующих прав и обязанностей, им разрешалось свободное передвижение в пределах Сибири (Зуев, Красильников 2009).

Во 2-й половине XIX века законодательство определяло два основных варианта наказания ссылкой — по суду и без суда (в административном порядке). Ссылка по суду подразделялась на следующие виды:

- ссылка на каторгу, бессрочная или срочная, назначалась за тяжкие преступления;
- ссылка на поселение, пожизненная, делилась на две категории: в отдаленнейшие

и «не столь отдаленные» места; ссылка на водворение почти ничем не отличалась от ссылки на поселение и применялась к бродягам;

- ссылка на житье назначалась исключительно высшему дворянству и чиновничеству.

Ссыльные приписывались к мещанскому или крестьянскому сословию, но без получения соответствующих прав; не могли покидать место приписки в течение срока осуждения; находились под надзором полиции.

Ссылка наложила заметный отпечаток на сибирскую историю, сыграв значительную роль в заселении и хозяйственном освоении Сибири. Немалая доля ссыльных и их потомков влилась в состав крестьянского и городского населения региона. Наиболее трудолюбивые и спаянные взаимопомощью, например поляки на Алтае и «семейские» в Забайкалье, сумели не только обжиться на новых местах, но и превратить свои хозяйства в зажиточные. Считается, что ссылка оказала противоречивое влияние на формирование морального и культурного облика сибиряков: с одной стороны, уголовные элементы способствовали росту преступности; с другой — благодаря ссылке в крае оказалось немало образованных людей, оставивших заметный след в культуре Сибири, занимавшихся ее изучением, поднимавших культурный уровень сибиряков. Лучше всего описан вклад в изучение и развитие Сибири ссыльных декабристов (см.: Перцева 2009), однако такая группа далеко не единственная. Весьма значимой была роль ссыльных в ознакомлении образованных кругов России и Европы с Сибирью, ее историей, современным состоянием и экономическим потенциалом (см. подробно: Зуев, Красильников 2009).

С конца 1920-х годов ссылка и высылка в Сибирь достигли небывалых масштабов.

2.4. *«Наследники» ГУЛАГа*

В начале XX века Россия занимала одно из последних мест в мире по относительному количеству заключенных — 60 человек на 100 тыс. населения, средний срок наказания в виде лишения свободы составлял два месяца (Иванова 2006: 127).

С начала 1920-х годов начала складываться пенитенциарная система советской власти, вначале как «исправительная», позже —

Таблица 1

Численность «населения» ГУЛАГа по годам

Годы	В исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ)	В исправительно-трудовых колониях (ИТК)	Всего
1935	725 483	240 259	965 742
1936	839 406	457 088	1 296 494
1937	820 881	375 488	1 196 369
1938	996 367	885 203	1 881 570
1939	1 317 195	355 243	1 672 438
1940	1 344 408	315 584	1 659 992
1941	1 500 524	429 205	1 929 729
1942	1 415 596	361 447	1 777 043
1943	983 974	500 208	1 484 182
1944	663 594	516 225	1 179 819
1945	715 505	745 171	1 460 677
1946	746 871	956 224	1 703 095
1947	808 839	912 704	1 721 543
1948	1 108 057	1 091 478	2 199 535
1949	1 216 361	1 140 324	2 356 685
1950	1 416 300	1 145 051	2 561 351
1951	1 533 767	994 379	2 528 146
1952	1 711 202	793 312	2 504 514
1953	1 727 970	740 554	2 468 524

На основе: (Земсков 1991)

как система борьбы с любым инакомыслием. Как и предшествующая власть, советская постепенно стала использовать Север и Сибирь как место ссылки и высылки, а затем и как место строительства лагерей для заключенных.

Первым таким «исправительно-трудовым учреждением» стал печально знаменитый Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), образованный в 1923 году[4] и просуществовавший 10 лет. В июле 1929 было принято постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных»; в апреле 1930 года появилось Главное управление лагерей (ГУЛАГ). В последующие годы и до смерти

[4] См. о Соловецких лагерях: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1000545>.

Сталина число лагерей росло[5]. Заключенные бесплатно работали на лесоповале, в добывающей промышленности, на строительстве каналов, дорог, промышленных и других объектов на Крайнем Севере, Дальнем Востоке и в других регионах. Чрезвычайно высокой была смертность от голода, болезней и непосильного труда. Количество заключенных в лагерях ГУЛАГа постоянно росло (см. о ГУЛАГе: <http://bibliotekar.ru/gulag/index.htm>).

Эта трагическая страница истории важна здесь потому, что очень многие заключенные ГУЛАГа после освобождения (по завершении срока, по амнистии либо — после 1953 года — по реабилитации) не покидали Север, оставались там жить. Причины могли быть разные: некуда и не к кому ехать; в других местах нет надежды найти работу; и даже прямой запрет. Так, Андрей Дмитриевич Сахаров, работавший в секретном ядерном центре (так называемом «Арзамас-16»), описывает в своих воспоминаниях, что строительство этого сверхсекретного «объекта» велось руками заключенных. Когда же «объект» был построен, у начальства возникла проблема: куда девать работавших на стройке людей, у которых закон-

О населении Воркуты 1950-х годов

«Низший слой с точки зрения гражданского статуса — это бывшие заключенные, оставшиеся на Воркуте в качестве вольнонаемных. <…> Многие бывшие заключенные освобождались из-под стражи, но без права выезда из Воркуты: фактически они оставались полузаключенными или ссыльными. <…> При этом по действовавшим тогда инструкциям НКВД их как опасный для государственной безопасности элемент ограничивали в допуске к ответственным работам. Немало заключенных после освобождения добровольно выбирали жизнь в Воркуте, поскольку в других городах страны их надежды как бывших заключенных на работу по специальности, на профессиональную карьеру были минимальны. В Воркуте же дефицит квалифицированных кадров и обилие бывших заключенных формировали иной социальный климат, в котором бывший “зэк” имел шансы на восходящую социальную мобильность. Такие мотивы играли особенно большую роль при принятии решения бывшими зэками из числа лиц с высшим и средним специальным образованием» (Ильин 1999: 55).

[5] Интерактивную карту лагерей системы ГУЛАГа (с 1923 по 1967 год) можно посмотреть в Википедии: <https://ru.wikipedia.org/wiki/ГУЛАГ#mediaviewer/File:Gulag_Location_Map.svg>.

чился срок заключения? Ведь они знают местоположение объекта, его внутреннюю топографию… а это великая тайна (хотя, как считает Сахаров, иностранные разведки, несомненно, знали об «Арзамасе-16» многое, если не все). Начальство решило эту проблему простым, безжалостным и совершенно незаконным способом — освободившихся ссылали на вечное поселение в Магадан и другие места, где они никому ничего не могли рассказать. Таких акций выселения было две или три, одна из них — летом 1950 года (Сахаров 1996, 1: 163–165; цит. по: Иванова 2006).

Существенно, что на Севере оседали не только освободившиеся заключенные; оставались после окончания службы и те, кто находился в лагерях «по другую сторону колючей проволоки», — лагерная охрана. Общая численность сотрудников НКВД, обслуживавших ГУЛАГ, была довольно велика: так, на 1 января 1946 года фактическая численность личного состава ГУЛАГа — 295 124 человека, а штатная — 330 438 (недокомплект составлял более 10 %; см.: История ГУЛАГа 2004: 277). За предшествовавший 1945 год было принято 97 817 новых сотрудников и уволено 79 420. Интересны основные причины увольнения: по материалам спецпроверки, за нарушения дисциплины, за морально-бытовое разложение — в общей сложности 10 060 чел., по сокращению штатов и служебному несоответствию — 21 773 чел.[6], по болезни и возрасту — 25 189 чел. (Там же: 283–284). Есть основания полагать, что многие из этих людей остались жить неподалеку от мест своей службы. Их потомки, как и потомки заключенных, живут на Крайнем Севере и в Сибири до сих пор.

2.5. *Потомки переселенцев*

Приток добровольных переселенцев в Сибирь всегда был значительным. Так, например, из 30 тыс. крестьян, переселившихся в Сибирь между 1662 и 1709 годом, 28 тыс. пришли по своей воле; в 1895 году самовольные переселенцы составили 78 % всего потока переселенцев (см.: Милюков 1993; цит. по: Замятина 1998).

---

[6] О человеческих качествах большинства этих «сотрудников» см. у А. И. Солженицына в «Архипелаге ГУЛаг» (Ч. 3: Истребительно-трудовые. Гл. 20: Псовая служба): <http://www.bibliotekar.ru/solzhenicin/37.htm>.

Здесь под «переселенцами» мы будем понимать не всех, кто переселялся в Сибирь, а лишь те группы населения, которые появились в Сибири и на Севере в конце XIX — начале XX века, прежде всего (но не только) в связи со столыпинскими реформами и строительством Транссибирской железной дороги, которое началось в 1891 году (через 12 лет, в 1903 году, дорога была введена в эксплуатацию). Аграрные преобразования, инициированные П. А. Столыпиным, предусматривали организацию массового переселения крестьян из европейской части России в Сибирь, на Дальний Восток, в Северный Казахстан. С этой целью в 1906 году было реорганизовано Переселенческое управление. В Сибири и на Дальнем Востоке выделялись специальные переселенческие районы, в каждом из которых создавались переселенческие организации, имевшие землеотводные, гидротехнические и дорожные партии, склады сельскохозяйственной техники, агрономические отделы, школы и больницы. На Сибирской магистрали были выделены два района (Западный и Восточный) по организации передвижения переселенцев (см.: Рогачевская 2002; Галеткина 2015). Переселение в Сибирь шло и прежде, но своего пика оно достигло в 1907–1908 годах: за один только 1908 год по железной дороге в Сибирь прибыло 750 тыс. переселенцев (см. таблицу 2 — сост. по: Огановский 1924: Гл. 5).

«Поворот в переселенческой политике наметился на рубеже 1870–1880-х гг. <…> Строительство же Транссибирской магистрали значительно упростило задачу транспортировки переселенцев. Заселение восточных окраин открывало возможности не столько снизить социальное давление, грозившее политическими катаклизмами, сколько начать экономическое освоение новых территорий, а также добиться большей политической и социокультурной консолидации империи. Все это не могло не повлечь за собой институциональных изменений, и империя должна была поменять “правила игры” в отношении Азиатской России» (Ремнев, Суворова 2010: 23–24).

Таблица 2

Число переселенцев в Сибирь по годам

Годы	Число переселенцев (чел.)
1886–1890	108 000
1891–1895	353 000
1896–1900	718 000
1901–1905	323 000
1906–1910	2 086 000
1911–1915	769 000
1916–1921	1 231 000

«За период 1906–1914 гг. в Сибирь переселились 3 040 333 человека, возвратились — 529 835 человек, или 10,8 %. Наибольшее число “обратников” пришлось на 1910–1911 гг., составив 238 501 человек, или 2,6 % от всех переселенцев. <…> Причин ухода переселенцев множество: недостаток земельных участков и их реальное качество; неудовлетворительная работа переселенческих пунктов на местах; трудности освоения новых земель, особенно в притаежных районах; несоответствие погодно-климатических условий привычным в Европейской России; произвол чиновничества и личные мотивы» (Рогачевская 2002).

Таблица 3

Прирост населения Сибири

Годы	Население Сибири (тыс. чел.)
1898	5 834
1902	6 272
1908	7 049
1912	9 578

Прирост составил:
с 1898 по 1908 год — 20,8 %
с 1902 по 1912 год — 52,7 %

(Тери 2008 [1914])

В Сибирь переселялись не только русские и украинские крестьяне, но и другие группы: немцы-меннониты, поляки, голендры, финны-ингерманландцы и др. О голендрах и поляках см. подробно: (Галеткина 2015); о финноязычных переселенцах: (Сидоркевич 2014); о немцах-меннонитах: (Бахмутова 2012).

В инструкции Переселенческого управления указывалось, что вновь приезжающие должны селиться на специально отведенных для них свободных участках земли, а не в селах старожилов. Однако в реальности это не всегда соблюдалось, и между «новоселами» и «старожилами» часто возникали конфликты по поводу земли, лугов и пастбищ.

Примером такого конфликта может служить следующая история. Речь идет о Трубачеевском переселенческом участке (Иркутская область), на котором в 1910 году возникла деревня Вершинино (позднее Вершина), где по сей день живут потомки переселенцев-поляков. Участок был образован в 1908 году; в его состав вошли земли, на которых традиционно жили буряты, что еще на стадии землеустроительных работ вызвало конфликт между старожилами и чиновниками, утверждавшими границы участка. Суть конфликта заключалась в разном понимании того, какое количество земли необходимо оставлять в пользовании старожилов. Буряты, привыкшие к экстенсивному ведению хозяйства, считали нормой иметь в своем распоряжении все те земли, которые

чиновники-землеустроители определяли как «излишки» и включали в переселенческий фонд. Чиновники же полагали, что процесс перехода местных бурят от скотоводства к земледелию зашел так далеко, что их скорее можно назвать хлебопашцами, чем скотоводами, поэтому обширные летние пастбища, необходимые им в прошлом, уже не имеют прежнего значения.

Определенные чиновниками земельные «излишки» могли остаться за старожилами в том случае, если бы те приняли на эти доли переселенцев. Однако от «приселения» буряты категорически отказались. Несмотря на протесты и жалобы, к 1909 году границы Трубачеевского переселенческого участка были окончательно утверждены и включили земли (164 десятины), находившиеся до этого в пользовании бурят. Таким образом, еще до приезда на участок переселенцев были созданы предпосылки для враждебного к ним отношения со стороны старожильческого населения (Галеткина 2015).

Возникали и другие сложности. Численность переселявшихся и темпы переселения превышали темпы подготовки участков: в ряде мест не успевали отводить участки, прокладывать к ним дороги. Причин было много: не хватало чиновников для этой работы, их квалификация была низкой, не обходилось без взяточничества и казнокрадства. Ссуды выдавались не в полном объеме; установленная ссуда в 150 руб. была слишком мала для того, чтобы обзавестись хозяйством и прокормиться в течение двух лет, пока не будет получен первый урожай (Рогачевская 2002).

Несмотря на трудности, переселенцы конца XIX века и особенно «столыпинские» переселенцы существенно изменили состав населения Сибири, главным образом Южной, вдоль железной дороги. Потомки переселенцев составляют заметную часть населения этих мест.

2.6. *Иммигранты*

Эта категория населения относится прежде всего к Дальнему Востоку. В основном это *китайцы*, *корейцы* и в меньшей степени *японцы*, причем китайцы относятся как к старой, так и к новой волнам иммиграции, а корейцы преимущественно к старой.

Корейская иммиграция в Россию началась в 1861 году. Первых корейских поселенцев встретили хорошо, и число иммигрантов

стало расти. Корейская сторона с неудовольствием относилась к эмиграции своих граждан и чинила всяческие препятствия, вплоть до убийств и грабежей, однако корейцы упорно шли в Россию. К 1868 году на территории России было уже четыре больших корейских села, а общее число корейцев в Уссурийском крае достигло 1800 человек (русских и казаков — 6200).

Корейцы охотно ассимилировались, перенимали русский язык, крестились в православие и после крещения меняли имена на русские, носили русскую крестьянскую одежду. Корейские поселения были зажиточными, дома — крепкими и аккуратными, поля — хорошо возделанными и ухоженными. У корейцев были свои школы и учителя.

После февральской революции корейцы создали собственные политические организации, которые в основном поддержали земства и бойкотировали Советы. После окончания Гражданской войны эти организации были разогнаны, создан Союз корейцев с центром в Москве и филиалами в Ленинграде и других городах. Корейцы разделили судьбу других народов СССР: аресты, расстрелы, лагерные сроки… (Kolarz 1954: 32 и сл.).

Китайцы (см.: Kolarz 1954: 42 сл.). До 1910 года на всех работах, организованных правительством, использовались исключительно китайские рабочие — прежде всего на строительстве портов и железных дорог. Генерал-губернатор Амурской области в 1903 году писал, что он против привоза в край русских рабочих, которые только пополнят ряды недовольных, в то время как китайцы послушны и не создают никаких проблем. В 1902 году подавляющее большинство рабочих на золотодобыче на Дальнем Востоке были русскими; к 1906 году русских осталось 7 %, остальные были китайцы — и это несмотря на формальные ограничения нанимать китайцев на работу.

Особенно значительно китайское влияние было во Владивостоке. До самого начала Первой мировой войны Владивосток стремительно развивался, приближаясь скорее к большому международному торговому центру, чему-то вроде северного Шанхая, чем к «русскому форпосту» на Дальнем Востоке. Основная торговля во Владивостоке была в руках англичан и немцев, а большинство населения составляли китайцы: в 1879 году гражданское население города включало 600 русских, 3470 китайцев и 500 ко-

рейцев; помимо них было еще 4088 русских военных, что отчасти помогало сбалансировать ситуацию. В 1902 году в городе жило 15 000 китайцев, 2300 корейцев, 2400 японцев, 11 500 русских и военный гарнизон в 13 000 человек. Это не считая нелегальной иммиграции, которая не регистрировалась. По переписи 1926 года — 65 500 русских (очевидно, включая гарнизон), 22 000 китайцев, 6900 корейцев, 6000 украинцев, 1720 поляков и т.п.

К 1930 году китайская торговля в регионе прекратилась, однако китайцы все еще оставались здесь как чернорабочие и докеры, пока не были вытеснены в Китай либо истреблены.

2.7. *«Приезжие»: после 1960 года*

Основной рост населения Сибири и Севера приходится на вторую половину XX века. Соответственно, «приезжие» 1960–1980-х годов (и их потомки) составляют заметную долю современного населения этих регионов.

Таблица 4

Численность «русского»[7] населения Сибири

Время / год	Численность «русских» в Сибири
начало XIX века	около 1 млн
середина XIX века	около 2 млн
1897	5,7 млн
1914	более 10 млн
1939	15,7 млн
1959	21,5 млн
1979	27,9 млн
1989	более 30 млн

Этот мощный приток населения был связан с широким промышленным освоением Севера и Сибири. Как правило, «на

[7] Следует иметь в виду, что пришлое население Сибири на всех этапах ее истории состояло не только из этнических русских; под этим термином здесь понимаются все категории населения, кроме коренных малочисленных народов и иммигрантов. Везде в подобных случаях слово «русские» взято в кавычки.

Север» ехали по контракту, на три-пять лет, однако очень часто контракт затем продлевали, оставались еще на три года, потом еще на три… Значительное число «контрактников» продолжало жить на Севере до пенсии, а их дети составили в конце 1980-х — начале 1990-х годов костяк тех, кто предпочел жизнь на Севере отъезду «на материк».

2.8. *«Трудовые мигранты»*

Последняя категория, которую необходимо упомянуть, чтобы завершить описание складывания пестрого и разнообразного населения современных Сибири и Севера, — это так называемые «трудовые мигранты». Здесь мы понимаем под ними ту категорию населения, которая начала формироваться в Сибири и на Севере примерно с середины 1990-х годов, — жителей других районов России и стран бывшего СССР, которые в условиях экономического краха вынуждены были искать работу на севере. Как правило, это нефтегазовая промышленность, а также отчасти торговля и некоторые другие отрасли.

В качестве примера можно привести географическое распределение трудовой миграции по Тюменской области, Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому округам, одному из самых богатых регионов России: по данным на 2013 год, 54 % работников приезжают сюда из Приволжья, 22 % — из регионов Сибири, 15 % — из других регионов Уральского округа [Мкртчян, Карачурина 2014]. Основные «доноры» рабочей силы для этих нефтегазовых регионов — Республика Башкортостан (с большим отрывом), Омская, Свердловская, Курганская области, Татарстан, Удмуртия, Челябинская, Новосибирская, Кировская, Оренбургская области.

Информации об этой категории населения мало, исследователи обратили на нее внимание лишь несколько лет назад.

3. Самосознание жителей Сибири и Севера

До сих пор мы смотрели на те категории населения, которые выделены «извне» — исследователями или государственными органами. Однако можно посмотреть на ситуацию и с другой сто-

Теория социальной идентичности разработана Генри Тайфелем и Джоном Тернером в конце 1970-х — начале 1980-х годов (см.: Tajfel, Turner 1979; 1986). Социальная идентичность (social identity) — это «категория социально-гуманитарных наук, применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, “тождественных самим себе” целостностей». Идентичность «формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) в ходе социального взаимодействия. <…> В современных индустриальных обществах идентичность имеет множественный характер. <…> Социальная идентичность — результат идентификации (отождествления) индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды. <…> В зависимости от того, что выступает основанием идентификации (профессиональная или этническая группа, регион, политическое движение и т.д.), можно выделить различные типы социальной идентичности: профессиональная (шахтер, инженер, врач, спортсмен и т.д.), этническая (баварец, каталонец, татарин, фламандец и т.д.), региональная (сибиряк, техасец, северянин, дальневосточник и т.д.), политическая (коммунист, демократ, националист, либерал и т.д.)» (Малахов б.д.).

роны: как сами люди, живущие в Сибири и на Севере, видят себя? кем они себя считают?

Этот подход базируется на понятии **социальной самоидентификации** (английский термин *social identity* переводят и как «идентичность», и как «самосознание»).

Социальная самоидентификация людей базируется на основополагающем противопоставлении «мы — они», свойственном любой эпохе и любой человеческой культуре. Это противопоставление — основа социальной организации людей; при этом следует помнить, что оно подвижно, изменчиво и множественно: в каждой конкретной ситуации, в зависимости от разных факторов, например от состава собеседников или от темы разговора, говорящий будет выдвигать на первый план разные аспекты своего «мы» и, соответственно, разные аспекты «они». Граница между «мы» и «они» каждый раз будет проходить по-разному.

Вот характерный пример. Проводя интервью с жителями Кольского полуострова, исследователь записал следующую серию высказываний (Влахов 2013):

> Вот **у вас** там в Ленинградской области уже ничего нету, леса все вырубили, а в земле тоже ничего. А **у нас** тут вот и в земле поковыряться — все найдешь…

В этом высказывании «мы» явно относится к жителям Кольского полуострова, а «они» — ко всем остальным жителям северо-запада России. Однако в следующем высказывании того же самого человека в том же самом интервью значения слов меняются:

> Вот **у нас** тут комбинат добывает, второй по добыче никеля в мире, а куда это все идет-то? Продают за границу, вот те же норги [местное жаргонное название норвежцев. — *Н.В.*] и покупают. **У них** же эта жила тоже есть, она туда идет на запад, только **они** не дураки, сами не добывают — **им** дешевле **у нас** купить. А **нашим** все равно, кому продавать, ведь. Они еще и железку хотят туда строить — вот **у нас** же железка тут есть, поезд на Мурманск ходит, знаешь? Вот хотят в Киркенес ее дотянуть, чтобы легче вывозить было. Так всю Россию и вывезут…

Здесь «они» — это норвежцы, а «мы» в первой части высказывания — жители Кольского полуострова, а в последней уже граждане России.

Эта граница (и, соответственно, характеристики категорий «мы» и «они») меняется не только ситуативно, но и во времени: «мы» тех, кто приехал на Север в 1930-е годы, и «мы» их потомков сегодня, скорее всего, окажутся совершенно различными.

4. Этническая и территориальная самоидентификация

В 1930-е годы на Севере это разделение на «мы» и «они» шло прежде всего по признаку «цивилизованности»: «мы» были приезжие, несущие «свет современной культуры и цивилизации»; «они» — местное коренное население, которое должно было этот «свет» воспринять. «Мы» строили дороги, города, аэропорты и морские порты, шахты, заводы и плотины; «они» пасли оленей, ходили в шкурах, не знали правил гигиены, не имели медицины и нуждались в нашей постоянной опеке. Местные жители называли всех приезжих «русскими» независимо от реальной национальности: это могли быть и украинцы, и армяне, и татары.

Перечень местностей Крайнего Севера был впервые определен 26 октября 1932 года (см.: Постановление СНК РСФСР «Об установлении территории, на которую распространяется действие Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1932 г. О льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере» — СУ РСФСР. 1932. № 91. Ст. 406). Впервые перечень местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, был определен постановлением СНК СССР от 18 ноября 1945 года (см.: Постановление СНК СССР «Об утверждении Перечня отдаленных местностей приравненных к районам Крайнего Севера» — СП СССР. 1945. № 10. Ст. 135) (Алейник 2012).

В 1960–1970-е годы это противопоставление обрело бытовое, хозяйственное и экономическое измерение (Fondahl 1993; Schweitzer, Gray 2000). Если первые учителя, врачи и другие специалисты жили примерно в тех же условиях, что и коренное население, то постепенно между «русскими» и «коренными» возникли и углубились различия в образе жизни, достигшие пика ко второй половине 1970-х годов, примерно через 20 лет после крутого поворота национальной, демографической, экономической и языковой политики по отношению к районам Сибири и Севера. Эта новая политика имела целью быстрое промышленное развитие Сибири и Севера; ее следствием были стремительный рост численности приезжего населения и существенные изменения в отношениях между этими приезжими и коренными жителями.

Первое постановление, закрепляющее социальное неравенство между «русскими» и «местными», было принято в 1932 году. В соответствии с этим постановлением, вводились две категории жителей Крайнего Севера: (1) управленцы высшего и среднего звена, судьи, работники прокуратуры и милиции, врачи, учителя и некоторые другие; и (2) все прочие. Первые получали десятипроцентную прибавку к зарплате и платили половинный налог. Вторые имели эти привилегии только в том случае, если они приезжали на Север по контракту. Ясно, что представители коренного населения могли иметь указанные льготы, только если занимали высокие посты; ясно также, что конкуренция за право занимать эти посты должна была в результате данного постановления усилиться.

В 1960-е годы правила несколько раз менялись и уточнялись, и в результате к началу 1970-х годов сложилась следующая картина. «Русские», желавшие поехать на Север, заключали контракт сроком на три года; с первого дня их зарплата была на 70–100 % выше, чем плата за аналогичную работу в европейской части страны

(так называемый «северный коэффициент»). По истечении двух лет вступала в действие «северная надбавка» — рост зарплаты ежемесячно еще на 10 %. Таким образом, через 2 года и 10 месяцев приезжий получал 300 % зарплаты. Для коренного населения аналогичные льготы — коэффициент и надбавки — ввели лишь к концу 1970-х.

Чем выше базовая ставка, тем выше суммарная зарплата; поэтому основная борьба в этот период разворачивалась за высокооплачиваемые должности. Довольно скоро в ряде регионов — прежде всего в сельских районах Чукотки, Камчатки, Ямала — «русские» в значительной мере вытеснили коренное население с этих должностей. Многие из них стремились устроиться на полторы-две ставки, «выписывали» своих родственников и знакомых, устраивали их на выгодную работу. В результате возникла почти непреодолимая экономическая и социальная граница между приезжими и коренными жителями.

В 1970–1980-е годы эта граница отчетливо осознавалась обеими сторонами. Все отдавали себе отчет в различиях в социальном статусе, экономическом благополучии и жизненных перспективах двух групп населения. Существовали устойчивые социальные стереотипы, с помощью которых обе группы описывали друг друга. *Приезжие* в глазах местных были именно временными жителями, слабо связанными с землей, на которой они жили, готовыми уехать в любую минуту. Стереотипное представление описывало их как «временщиков», «жадных до денег», прагматичных и практичных людей, приехавших на Север исключительно на заработки. При этом сами коренные жители подчеркивали свою глубокую эмоциональную связь с землей, на которой живут.

В свою очередь, *коренные* жители описывались приезжими через такие стереотипы, как «ведущие паразитический образ жизни», «целиком зависящие от государства», ленивые, неспособные и не желающие учиться, не умеющие работать как положено, перекладывающие на государство все заботы, в том числе о собственных детях, и т.п. Это противопоставление, повторим, шло по этнической границе: по разные стороны оказывались (условные) *русские* и (условные) *коренные*.

Это противопоставление не было всеобщим: в тех регионах, где шло интенсивное промышленное освоение (Кольский полу-

остров, Тюмень, промышленные районы Ямала, Сахалин), местные и приезжие в гораздо меньшей степени вступали в конкуренцию за рабочие места. В любом случае даже в перечисленных выше сельских районах Севера и Сибири описанное выше противопоставление за последние четверть века подверглось значительным изменениям.

Уже в середине 1990-х годов со стороны недавних приезжих («русских») и в особенности их детей начало наблюдаться отчетливое стремление рассматривать Крайний Север как «свою землю», причем не на уровне прежних («имперских» или «советских») стереотипов, а на основе глубоких личных привязанностей. При этом традиционные культуры коренного населения многие приезжие стали интерпретировать скорее не как «национальные» традиции, а как часть культуры *территории* и таким образом *как часть своей культуры*. Неожиданно эта земля — Чукотка и Камчатка, Эвенкия и Ямал, и то, что с ней соотносилось: тайга и тундра, чумы и олени, сказки и танцы, флора и фауна, и даже местные языки — оказалось «наше».

Из интервью с жителем Анадыря, 1995 год:
«Перспективы я вижу в будущих корчах очень тяжелого кризиса — экономического, экологического и политического, когда дискредитируется сама идея европейского подхода к взаимоотношениям с внешней средой… И вот тогда, потеряв попечительство со стороны своих слабеющих “хозяев”, северные народы окажутся наедине с природой, где возникла их культура, с какими-то осколками своих прежних знаний о том, как надо жить, пищу добывать, молиться богам, лечиться и т.д. И они будут вынуждены очень многое переосмыслить и обратиться к своему культурному наследию очень серьезно. И увидеть, что это — единственное, что у них есть, чтобы выжить… Этот процесс уже начинается — на Чукотке я его вижу».

Вот как эту новую тенденцию описывает преподаватель Анадырского колледжа, представительница «коренного населения»:

> Стала замечать в последнее время, что изучение Чукотки для наших студентов — не какая-то обязаловка [как было прежде]. Все, и русские тоже, говорят теперь: «А как же? Ведь мы здесь живем, учимся, мы собираемся здесь остаться, вернуться работать на родину». Русские даже больше,

Две цитаты из разговоров с двумя разными людьми в 1995 году в Анадыре, на Чукотке:

«Русский», живущий в Анадыре 15 лет: «Сознание людей перевернулось. Они теперь говорят: “У нас на Чукотке”».

«Коренной» житель: «Считаю несправедливым разделять на коренных и некоренных, если русские здесь родились. Они такие же чукотские дети, и живут одинаково тяжело».

чем местные, причем все, не только те, кто тут родился. Они не красуются, они осознанно, серьезно это говорят… Русские студентки еще и меня убеждают, что нужно всерьез относиться к коренному населению, языкам, культуре, истории края (Vakhtin, Krupnik 1999: 33–34).

У этой радикальной смены взглядов и ценностей было несколько причин.

Во-первых, за счет массового оттока приезжего населения в центральные районы России и вновь образовавшиеся государства ближнего зарубежья общая численность категории «приезжих» на Севере значительно сократилась. В результате такого оттока на Севере снизилась доля тех, для кого эти места действительно были временным прибежищем, источником высоких заработков и кто потому мало интересовался жизнью «местных» и свысока относился к коренному населению и его культурным традициям. Соответственно, заметнее стала доля (и громче голос) тех, кто хотел бы жить на этой земле с любовью к ее природной красоте и уважением к ее прошлому.

Во-вторых, в результате радикальных политических изменений 1990-х годов, распада СССР, массового перераспределения людей между республиками у многих из тех, кто остался жить на Севере, произошла переоценка представления о «своем доме», актуализировалось понятие «малой родины»: родиной стал реальный северный городок, поселок, район, где человек родился и провел детство, или женился и родил детей, или просто провел значимые годы своей жизни.

В-третьих, образовавшийся после крушения коммунистической идеи вакуум духовных ценностей требовал заполнения, и многие, естественно, обратились к живой и яркой этнографической культуре коренных жителей Севера, увиденной новыми глазами. Этим, скорее всего, и объясняется вспыхнувший у значительной части приезжих интерес к национальной культуре и народным

знаниям в самом разном их проявлении — местным языкам, истории края, съедобным растениям, традиционным видам транспорта, вышивке и декоративному искусству, и т.п.

В-четвертых, сами условия жизни в начале и середине 1990-х годов зачастую вынуждали людей обращаться к традиционным экологическим знаниям и навыкам как к ресурсу выживания. В условиях, когда исчезли или были ослаблены прежние механизмы экономической поддержки и снабжения Севера, традиционные формы жизнеобеспечения приобрели новый смысл. Одно дело, когда на китов охотится специальное китобойное судно и привозит добычу в поселок, чтобы обеспечить кормами песцов на звероферме, и совсем другое — когда мужчинам приходится выходить на китовую охоту на шлюпках и от успеха охоты, как сто пятьдесят лет назад, зависит реальное выживание семьи и всего поселка. То же — с оленеводством, рыболовством, охотой (см. подробно: Vakhtin, Krupnik 2002).

> «Со второй половины XVII в. и в течение всего XVIII в. в сознании потомственных [сибирских. — *Н.В.*] старожилов <…> Родиной становится суровая “Матушка-Сибирь”. Поэтому “сибиряк” <…> отражал и степень принадлежности к сибирской земле, и одновременно степень приспособления к сибирским факторам. В сознании сибиряков появилось два пространства — Россия и Сибирь» (Андюсев 2003).

Подобные изменения отношений между группами «приезжих» и «коренных» отмечаются у обеих сторон: эти группы, когда-то разделенные почти непроходимым барьером, начинают объединяться. *Происходит процесс постепенного отхода от национальной самоидентификации и переход к самоидентификации территориальной*. Непроницаемая граница между «коренными» и «приезжими», давшая трещину уже в советские годы, продолжает размываться. С одной стороны, сформировались местные элиты, возникли семьи, которые перенимали не только образ жизни «приезжих» и тип занятости, но и русский язык. С другой стороны, появилось заметное число «приезжих», которым тоже «некуда уезжать»: они осознали, что эта земля — их родина, и не хотят ее покидать. И те, и другие постепенно превращаются в «сибиряков» и «северян», и придумывают для самоназвания новые слова, вроде «чукотчан» или «якутян». (Эти и подобные термины напоминают

другой ряд обозначений: *камчадалы*, *индигирщики*, *колымчане* — самоназвания потомков русских старожилов, осевших в этих краях 200–300 лет назад и смешавшихся с коренным населением — см. выше.) И хотя эти термины пока звучат непривычно, они широко используется для описания равным образом «русского» и «местного» населения.

Таким образом, если в начале XX века этнические различия между разными «приезжими» были для местного населения безразличны, и все они назывались «русскими», то сегодня, в начале XXI века, точно так же начинают стираться этнические различия между жителями Сибири и Севера, и на фоне «русских» — то есть всех жителей европейской части РФ — они все больше осознают себя «сибиряками» и «северянами».

Литература

Алейник 2012 — Алейник Д. Н. Что считать Севером? // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2012, 22 мар. <http://jurnal.org/articles/2012/uri9.html#_ftnref3>.

Андюсев 2003 — Андюсев Б. Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX — начала XX вв.: Уч. пособ. для учащихся и студентов. 2-е изд., испр. и дополн. Красноярск: РИО КГПУ, 2003.

Бахмутова 2012 — Бахмутова И. А. Лингвистические и социолингвистические особенности литературного немецкого языка российских немцев-меннонитов Омской области // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 122–144.

Вахтин и др. 2004 — Вахтин Н., Головко Е., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004.

Винокуров, Суходолов 1996 — Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири, 1900–1928. Новосибирск: Наука, 1996.

Влахов 2013 — Влахов А. В. Идентичности на Русском Севере в контексте функционирования Баренцева Евро-Арктического региона: Дис. … магистра антропологии / Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. СПб., 2013.

Галеткина 2015 — Галеткина Н. Г. Пихтинские голендры и вершининские поляки: Очерки по этничности сибирских переселенцев. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015.

Замятина 1998 — Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.

Земсков 1991 — Земсков В. Н. ГУЛАГ: Историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; № 7. С. 3–16.

Зуев, Красильников 2009 — Зуев А. С., Красильников С. А. Ссылка в Сибирь в XVII — первой половине XX в. // Энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 3. <http://russiasib.ru/ssylka-v-sibir-v-xvii-pervoj-polovine-xx-v/>.

Иванова 2006 — Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006.

Ильин 1999 — Ильин В. И. Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты (1930–1950-е годы) // Стратификация в России: история и современность. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1999. С. 44–70.

История ГУЛАГа 2004 — История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х — первая половина 1950-х годов / Отв. ред. Н. В. Петров. М.: РОСПЭН, 2004. Т. 2: Карательная система, структура и кадры.

Кошкарева 2016 — Кошкарева П. А. Стратегии формирования идентичности современного томского казачества. (Рукопись). 2016.

Кряжков 2010 — Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010.

Максимова и др. 2008 — Максимова Н. Р., Медведева О. Ф., Ноговицына А. Н., Пузырев В. П., Спиридонова М. Г., Степанов В. А., Харьков В. Н. Происхождение якутов: анализ гаплотипов Y-хромосомы // Молекулярная биология. 2008. Т. 42. № 2. С. 226–237. <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18610830>.

Малахов б.д. — Малахов В. С. Идентичность // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. <http://iph.ras.ru/elib/1181.html>.

Милюков 1993 — Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М.: Прогресс; Культура; Газ. «Труд», 1993. Т. 1: Земля. Население. Экономика. Сословие. Государство.

Мкртчян, Карачурина 2014 — Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. 2014. № 595–596. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php>.

Москаленко 2004 — Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М.: Наука, 2004.

Огановский 1924 — Огановский Н. П. Очерки экономической географии СССР. 2-е изд, перераб. и обновлен. М.: Новая деревня, 1924. Гл. 5: Колонизация. Переселенческое движение России. <http://istmat.info/node/24082>.

Перцева 2009 — Перцева Т. А. Декабристы в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1. С. 466–470. <http://irkipedia.ru/content/dekabristy_v_sibiri_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009>.

Плюснин 2003 — Плюснин Ю. М. Поморы: население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.

Поморское согласие 1898 — Поморское согласие // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1898. Т. 48. С. 504–506. <http://www.vehi.net/brokgauz/>.

Распоряжение Правительства 2009 — Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р (ред. от 27.11.2015) «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации». <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87690/>.

Ремнев, Суворова 2010 — Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве

Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 17–64. <http://mion.isu.ru/ru/publications/docs/Migrations.pdf>.

Рогачевская 2002 — Рогачевская М. А. П. А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь // Эко: Всероссийский экономический журнал. 2002. № 9. <http://econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2002_09/Rogachevska.htm>.

Романова 2012 — Романова Е. В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX вв. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. (Studia ethnologica, 10).

Сахаров 1996 — Сахаров А. Д. Воспоминания: В 2 т. / Ред.-сост. Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. М.: Права человека, 1996.

Семушин 2012 — Семушин Д. Л. Поморье и поморы: структура одного исторического мифа // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 45–58. <http://agtu.ru/upload/uf/60b/AaN_2012_7.pdf>.

Сидоркевич 2014 — Сидоркевич Д. В. Язык ингерманландских переселенцев в Сибири (структура, диалектные особенности, контактные явления): Дис. … канд. филол. наук. СПб., 2014.

Старообрядчество 2007 — Старообрядчество в Сибири // Сибирь: Атлас Азиатской России. М.: Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. С. 576–577.

Тери 2008 — Тери Э. Экономическое преобразование России / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2008. <http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/izdaniya-fonda/kniga_terri.pdf>.

Федеральный закон № 104-ФЗ — Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ (ред. от 02.02.2006) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/>.

Швайтцер, Чонка 2007 — Швайтцер П., Чонка И. Общества и культуры: изменения и устойчивость // Доклад о развитии человека в Арктике / Ред. А. В. Головнев. Екатеринбург; Салехард: Б.и., 2007. Гл. 3. С. 45–68.

Юмсунова 2005 — Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Crubézyetal. 2010 — Crubézy E., Amory S., Keyser C., Bouakaze C., Bodner M., Gibert M., Röck A., Parson W., Alexeev A., Ludes B. Human Evolution in Siberia: From Frozen Bodiesto Ancient DNA //

Evolutionary Biology. 2010, Jan 25. <http://bmcevolbiol.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2148-10-25>.

Fondahl 1993 — Fondahl G. Siberia: Native Peoples and the Newcomers in Collision // Nation and Politics in the Soviet Successor States / Ed. by I. Bremmer, R. Taras. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 477–510.

Kolarz 1954 — Kolarz W. The Peoples of the Soviet Far East. London: George Philip and Son Ltd, 1954.

Krupnik, Chlenov 2015 — Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Chicago: University of Chicago Press, 2015.

Schweitzer, Gray 2000 — Schweitzer P., Gray P. The Chukchi and Siberian Yupiit of the Russian Far East // Endangered Peoples of the Arctic: Struggle to Survive and Thrive / Ed. by M. Freeman. Westport; London: Greenwood Press, 2000. P. 17–37.

Tajfel, Turner 1979 — Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / Ed. by W. G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.

Tajfel, Turner 1986 — Tajfel H., Turner, J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behaviour // Psychology of Intergroup Relations / Ed. by S. Worchel, W. G. Austin. Chicago, IL: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Thompson 2009 — Thompson N. Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia's Arctic Frontier. Vancouver: University of British Columbia Press, 2009.

Vakhtin, Krupnik 1999 — Power, Politics, and Heritage: Undercurrent Transformations in the Post-Soviet Arctic The Case of Chukotka // Changes in the Circumpolar North: Culture, Ethics, and Self-Determination: Keynotes presented at the Third International Congress of Arctic Social Sciences (ICASS III) / Ed. by F. Sejersen. Copenhagen: IASSA, 1999. (Topics in Arctic Social Sciences 3). P. 27–42.

Vakhtin, Krupnik 2002 — Vakhtin N., Krupnik I. 'In the House of Dismay': Knowledge, Culture, and Post-Soviet Politics in Chukotka, 1995–96 // People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia / Ed. by E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002. P. 7–44. <http://www.siberian-studies.org/publications/PDF/plkrupnikvakhtin.pdf>.

Елена Лярская

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАСЕЛЕНИИ СИБИРИ И СЕВЕРА[8]

1. Общая численность населения

Согласно переписи населения 2010 года в России проживает 142 856 536 человек, из них в северных и сибирских регионах — 33 423 882, или около 23 %. При этом суммарно «северные и сибирские территории» занимают почти 83 % территории РФ[9] (это наглядно видно на рис. 1).

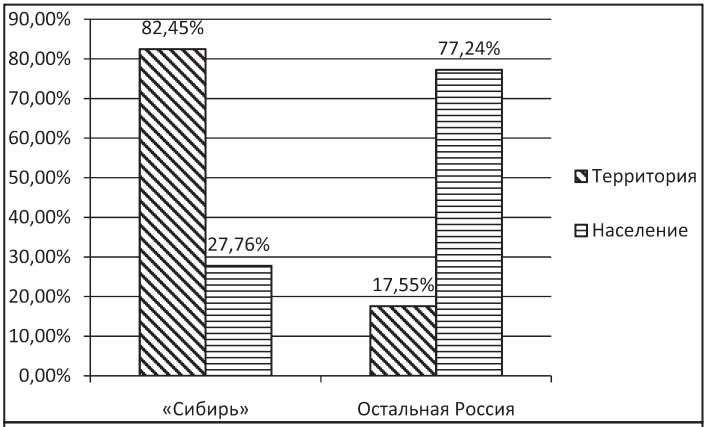


Рис. 1
Доля «северных» и «сибирских» территорий и населения в общих территории и населении России (%)

Поскольку определить границы Сибири и Севера достаточно сложно, воспользуемся списком; все статистические сведения приводятся для следующих территорий:

---

8 Основной источник данного раздела — материалы переписи 2010 года.

9 Для сравнения: в Москве и Петербурге, занимающих вместе менее 0,015 % территории России, проживает примерно 11, 5 % населения страны.

Карелия, Архангельская область (вместе с Ненецким автономным округом), Республика Коми, Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область, Курганская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Алтайский край, Республика Алтай, Красноярский край, Забайкальский край, Иркутская область, Амурская область, Хакассия, Республика Тыва, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Еврейская автономная область, Камчатский край, Магаданская область, Приморский край, Сахалинская область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ.

По-видимому, пик численности населения Сибири и Севера приходится на 1989 год; после этого ввиду резкого ухудшения экономического положения в стране в целом и на Севере в особенности начался отток населения. Так, население Чукотки в 1985 году составляло около 140 тыс. чел., к 2009 году осталось порядка 50 тыс.; население Камчатской области — 471 тыс. чел. в 1989 году и 358 тыс. чел. в 2002; и т.п.

Показательна динамика численности населения Якутии (таблица 1).

Таблица 1

Численность населения Якутии (тыс. чел.)

(по данным Википедии)

Год	Население	Год	Население
1959	487,0	2010	958,5
1978	842,0	2011	958,2
1989	1049,0	2012	955,9
2002	949,0	2013	955,6
2008	951,0	2014	954,8
2009	949,8	2015	956,7

Относительно разных групп населения это уменьшение происходит неравномерно: численность титульной нации (якуты) и представителей коренных малочисленных народов Севера растет, в то время как численность других этнических групп снижается.

Таблица 2

Изменение населения Якутии (тыс. чел.)
(по данным Википедии)

	1939	**1979**	**1989**	**2002**	**Прирост 1989–2002**
Якуты	233 273	313 917	365 236	432 290	+18 %
Эвенки	10 432	11 584	14 428	18 232	+26 %
Эвены	3 133	5 763	8 668	11 657	+34 %
Русские	146 741	429 588	550 263	390 671	–29 %
Украинцы	4 229	46 326	77 114	34 633	–55 %
Татары	4 420	10 976	17 478	10 768	–39 %

На 2015 год доступны следующие сведения о численности населения регионов Сибири, Севера и Дальнего Востока:

Сибирский Федеральный округ — 19 313 880 чел.

Дальневосточный Федеральный округ — 6 211 384 чел.

Уральский Федеральный округ — 12 276 228 чел.

Архангельская область — 1 183 501 чел.

Мурманская область — 766 440 чел.

Республика Карелия — 632 696 чел.

Таким образом, население интересующей нас территории составляет примерно 40 384 тыс. чел.

2. Плотность населения

Средняя плотность населения в целом по Российской Федерации — 8,4 чел. на кв. км; средняя плотность населения регионов Севера и Сибири — 2,3 чел. на кв. км. В таблице 3 показано, как это население распределено по отдельным регионам.

Из таблицы видно, что плотность населения северных и сибирских регионов очень неоднородна. Обращает на себя внимание высокая плотность населения в Кемеровской области: она почти в два раза выше, чем в следующей за ней Новосибирской области, и почти в 3,5 раза выше, чем в среднем по России. Остальные регионы (исключая Кемеровскую область) на основании плотности населения можно условно разделить на несколько групп (см. таблицу 4).

Таблица 3

Плотность населения за Уралом (чел. на кв. км)

Регион	Плотность населения	Регион	Плотность населения
по убыванию значения		***по алфавиту регионов***	
Кемеровская область	28,9	Алтайский край	14,4
Новосибирская область	15,0	Амурская область	2,3
Алтайский край	14,4	Архангельская область	2,1
Омская область	14,0	Еврейская АО	4,9
Курганская область	12,7	Забайкальский край	2,6
Приморский край	11,9	Иркутская область	3,1
Республика Хакассия	8,6	Камчатский край	0,7
Тюменская область	8,5	Кемеровская область	28,9
Сахалинская область	5,7	Красноярский край	1,2
Мурманская область	5,5	Курганская область	12,7
Еврейская АО	4,9	Магаданская область	0,3
Республика Карелия	3,6	Мурманская область	5,5
Томская область	3,3	Ненецкий АО	0,2
Иркутская область	3,1	Новосибирская область	15,0
Ханты-Мансийский АО	2,9	Омская область	14,0
Республика Бурятия	2,8	Приморский край	11,9
Забайкальский край	2,6	Республика Алтай	2,2
Амурская область	2,3	Республика Бурятия	2,8
Республика Алтай	2,2	Республика Карелия	3,6
Республика Коми	2,2	Республика Коми	2,2
Архангельская область	2,1	Республика Саха (Якутия)	0,3
Республика Тыва	1,8	Республика Тыва	1,8
Хабаровский край	1,7	Республика Хакассия	8,6
Красноярский край	1,2	Сахалинская область	5,7
Камчатский край	0,7	Томская область	3,3
Ямало-Ненецкий АО	0,7	Тюменская область	8,5
Магаданская область	0,3	Хабаровский край	1,7
Республика Саха (Якутия)	0,3	Ханты-Мансийский АО	2,9
Ненецкий АО	0,2	Чукотский АО	0,1
Чукотский АО	0,1	Ямало-Ненецкий АО	0,7

Таблица 4

Регионы РФ по плотности населения

Плотность населения	Регионы
Менее 1 человека на кв. км (предельно низкая плотность)	*6 регионов*: Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская обл. и Чукотский АО
От 1 до 4 чел. на кв. км	*13 регионов*: Карелия, Коми, Архангельская обл., Ханты-Мансийский АО, Республика Алтай, Республика Бурятия, Тыва, Забайкальский край, Красноярский край, Иркутская обл., Томская обл., Хабаровский край, Амурская обл.
От 4 до 9 чел. на кв. км	*5 регионов*: Мурманская обл., Хакассия, Сахалинская обл., Еврейская АО, Тюменская обл. (без ЯНАО и ХМАО)
От 10 до 15 чел. на кв. км	*5 регионов*: Алтайский и Приморский края, Новосибирская, Омская и Курганская обл.

В целом Север и Сибирь по сравнению с центром и югом России — малозаселенные территории. Однако эти районы заселены крайне неравномерно: есть шесть регионов, занимающих гигантскую площадь, где плотность населения ниже 1 чел. на кв. км, и есть пять регионов, в которых плотность населения выше средней по России. Крайние точки отличаются разительно: плотность населения в Чукотском АО (0,07 чел. на кв. км) меньше плотности населения Кемеровской области (28,87 чел. на кв. км) более чем в 400 раз.

3. Соотношение городского и сельского населения

В целом по России сельское население составляет 26,3 %, городское — 73,7 %. Соотношение городского и сельского населения для федеральных округов и отдельных регионов Севера и Сибири представлено в таблице 5.

По соотношению городского и сельского населения регионы Сибири и Севера также делятся на несколько типов.

1. Регионы, в которых доля сельского населения мала: Магаданская область (4,8 %), Мурманская область (7,2 %) и Ханты-Мансийский АО (8,5 %). Эти три региона — лидеры по уровню

Таблица 5

Соотношение городского и сельского населения по субъектам федерации (%)

Субъект федерации			Городское	Сельское	
Российская Федерация			73,7	26,3	
Северо-Западный ФО			83,5	16,5	
Сибирский ФО			72,0	28,0	
Дальневосточный ФО			74,8	25,2	
по убыванию городского населения			***по алфавиту регионов***		
Регион	**Городское**	**Сельское**	**Регион**	**Городское**	**Сельское**
Магаданская обл.	95,2	4,8	Алтайский край	54,7	45,3
Мурманская обл.	92,8	7,2	Амурская обл.	66,8	33,2
Ханты-Мансийский АО	91,5	8,5	Архангельская обл.	75,7	24,3
Кемеровская обл.	85,4	14,6	Еврейская АО	67,6	32,4
Ямало-Ненецкий АО	84,7	15,3	Забайкальский край	65,9	34,1
Хабаровский край	81,8	18,2	Иркутская обл.	79,6	20,4
Сахалинская обл.	79,7	20,3	Камчатский край	77,4	22,6
Иркутская обл.	79,6	20,4	Кемеровская обл.	85,4	14,6
Тюменская обл.	78,1	21,9	Красноярский край	76,3	23,7
Республика Карелия	78,0	22,0	Курганская обл.	60,3	39,7
Камчатский край	77,4	22,6	Магаданская обл.	95,2	4,8

Окончание таблицы 5

Новосибирская обл.	77,3	22,7	Мурманская обл.	92,8	7,2
Республика Коми	76,9	23,1	Ненецкий АО	67,8	32,2
Красноярский край	76,3	23,7	Новосибирская обл.	77,3	22,7
Приморский край	76,1	23,9	Омская обл.	71,5	28,5
Архангельская обл.	75,7	24,3	Приморский край	76,1	23,9
Омская обл.	71,5	28,5	Республика Алтай	27,6	72,4
Томская обл.	70,2	29,8	Республика Бурятия	58,4	41,6
Ненецкий АО	67,8	32,2	Республика Карелия	78,0	22,0
Еврейская АО	67,6	32,4	Республика Коми	76,9	23,1
Республика Хакассия	67,3	32,7	Республика Саха (Якутия)	64,1	35,9
Амурская обл.	66,8	33,2	Республика Тыва	53,1	46,9
Забайкальский край	65,9	34,1	Республика Хакассия	67,3	32,7
Чукотский АО	64,8	35,2	Сахалинская обл.	79,7	20,3
Республика Саха (Якутия)	64,1	35,9	Томская обл.	70,2	29,8
Курганская обл.	60,3	39,7	Тюменская обл.	78,1	21,9
Республика Бурятия	58,4	41,6	Хабаровский край	81,8	18,2
Алтайский край	54,7	45,3	Ханты-Мансийский АО	91,5	8,5
Республика Тыва	53,1	46,9	Чукотский АО	64,8	35,2
Республика Алтай	27,6	72,4	Ямало-Ненецкий АО	84,7	15,3

урбанизации в масштабах РФ. К ним же, опережая все европейские регионы, примыкает Ямало-Ненецкий АО (15,3 %), где количество сельского населения вдвое выше, чем в Ханты-Мансийском АО (8,5 %), но более чем на 10 % ниже, чем в целом по стране.

2. На противоположном конце шкалы — Республика Алтай, где доля городского населения мала, а сельское население составляет 72,4 %. Это самый высокий показатель по стране: на 10 % больше, чем в Чечне, и на 20 % — чем в Карачаево-Черкессии, которые следуют сразу за Алтаем в списке самых неурбанизированных регионов страны.
3. Регионы, где доля сельского населения примерно соответствует средней по РФ (от 20 до 30 %): все северные регионы Северо-Запада России (кроме Ненецкого АО), Тюменская область, Красноярский край, Иркутская, Новосибирская, Омская, Томская области. Сюда же относятся Камчатский край, Приморский край и Сахалинская область.
4. В последнюю группу входят те регионы, где доля сельского населения меньше 50 %, но больше 30 % (то есть несколько выше, чем в целом по России). Это в первую очередь юг Сибири и часть Дальнего Востока: Курганская область (39,7 %), Алтайский край (45,3 %), Бурятия (41,6 %), Тыва (46,9 %), Хакассия (32,7 %), Забайкальский край (34,1 %), Амурская область (33,2 %), Еврейская АО (32,4 %). Кроме южных регионов сюда же относятся Якутия (35,9 %), Ненецкий АО (32,2 %) и Чукотка (35,2 %).

Таким образом, как и в случае с плотностью населения, Сибирь и Север неоднородны, но здесь это более заметно: обе крайние точки на шкале урбанизации субъектов РФ — минимум и максимум — занимают «северные» регионы.

Разброс в показателях городского / сельского населения, который существует между Магаданской областью (4,6 %) и Республикой Алтай (72,4 %), делает попытки посчитать «среднюю» долю сельского населения Сибири и Севера бессмысленными: охарактеризовать «Сибирь и Север» как единый регион с точки зрения соотношения городского и сельского населения не удается.

4. Уровень образования

В таблице 6 представлены доли лиц с различным уровнем образования в регионах Сибири и Севера.

Видно, что и здесь для Сибири и Севера можно условно выделить несколько групп регионов.

1. Регионы-лидеры, где доля лиц с высшим образованием выше, чем в среднем по стране: ЯНАО, ХМАО (и в целом Тюменская область), Томская область, Камчатский край, Хабаровский край и Магаданская область.
2. Регионы, где этот показатель почти такой же, как средний по России: Новосибирская область, Приморский край, Мурманская область, Приморский край, Чукотка, Якутия и Бурятия.
3. Регионы с показателем чуть ниже среднего: Карелия, Алтай, Красноярский край, Иркутская область, Омская область, Амурский край, Сахалин.
4. Регионы с низкой долей лиц с высшим образованием: Кемеровская область, Республика Коми, Алтайский край, Архангельская область, Еврейская автономная область, Республика Тыва, Забайкальский край, Ненецкий автономный округ.

В отношении уровня образования жителей Сибири и Севера в целом можно сказать следующее:

- по доле лиц с высшим образованием северные и сибирские регионы не отличаются от других регионов РФ;
- из 12 регионовРоссии — лидеров по числу людей с высшим образованием — восемь находятся в Сибири / на Севере;
- три из этих восьми (ХМАО, ЯНАО и Магаданская область) — это те же регионы, которые лидируют по уровню урбанизации.

Иначе говоря, уровень образования населения северных и сибирских регионов в масштабах РФ достаточно высок. Это верно не только для самых урбанизированных регионов и регионов с университетскими традициями: доля лиц с высшим образованием среди населения Чукотки выше, чем в Воронежской, Ярославской и Ленинградской областях.

Вместе с тем, если обратиться к нижней части списка, где оказались регионы с наименьшим числом жителей с высшим образованием, то и среди них мы снова обнаружим территории, относящихся к Сибири и Северу (см. таблицу 7).

Таблица 6

Уровень образования населения по регионам (%)

	Нет или начальное	Неполное среднее	Среднее и неполное высшее	Высшее и более
Сибирский ФО	7,0	12,9	59,8	20,3
Дальневосточный ФО	4,7	12,1	61,1	22,1
Алтайский край	8,3	13,3	60,8	17,6
Амурская обл.	6,5	14,4	60,0	19,1
Архангельская обл.	5,7	14,0	62,6	17,7
Еврейская АО	6,7	19,7	57,8	15,8
Забайкальский край	8,4	16,8	58,3	16,5
Иркутская обл.	6,6	13,8	59,1	20,5
Камчатский край	2,9	10,3	62,1	24,7
Кемеровская обл.	7,1	12,2	62,0	18,7
Красноярский край	6,6	12,5	60,2	20,7
Курганская обл.	9,8	16,0	58,9	15,3
Магаданская обл.	2,4	9,7	63,6	24,3
Мурманская обл.	3,4	8,8	65,0	22,8
Ненецкий АО	7,6	17,5	58,0	16,9
Новосибирская обл.	6,6	12,2	57,3	23,9
Омская обл.	7,5	12,5	59,8	20,2
Приморский край	4,9	12,0	60,8	22,3
Республика Алтай	7,0	16,1	57,6	19,3
Республика Бурятия	5,7	12,8	59,7	21,8
Республика Карелия	5,9	12,7	61,7	19,7
Республика Коми	5,2	13,3	62,9	18,6
Республика Саха (Якутия)	3,8	10,2	63,9	22,1
Республика Тыва	5,4	15,4	63,3	15,9
Республика Хакассия	6,3	13,5	61,7	18,5
Сахалинская обл.	4,5	11,8	63,8	19,9
Томская обл.	5,7	10,8	58,6	24,9
Тюменская обл.	4,4	10,2	61,3	24,1
Хабаровский край	4,2	12,0	59,1	24,7
Ханты-Мансийский АО	2,3	8,2	64,0	25,5
Чукотский АО	3,6	14,4	59,8	22,2
Ямало-Ненецкий АО	3,1	8,8	60,8	27,3

Таблица 7

Регионы РФ по доле лиц, имеющих высшее образование и выше[10] (%, в порядке убывания)

Регион	Число лиц с высш. образованием и выше[11]	Регион	Число лиц с высш. образованием и выше
Северная Осетия	27,3	Нижегородская обл.	22,8
ЯНАО	27,3	Калужская обл.	22,4
ХМАО	25,5	Республика Татарстан	22,4
Калининградская обл.	25,0	Приморский край	22,3
Карачаево-Черкессия	24,9	Республика Калмыкия	22,2
Томская обл.	24,9	Ростовская обл.	22,2
Камчатская обл.	24,7	Чукотский АО	22,2
Хабаровский край	24,7	Республика Саха (Якутия)	22,1
Самарская обл.	24,4	Воронежская обл.	22,0
Магаданская обл.	24,3	Республика Бурятия	21,8
Тюменская обл.	24,1	Саратовская обл.	21,8
Новосибирская обл.	23,9	Ярославская обл.	21,8
Россия в целом	23,4	Орловская обл.	21,7
Мурманская обл.	22,8	Белгородская обл.	21,6

Если обратиться к доле лиц с низким уровнем образования (начальное) или не имеющим такового, то окажется, что и по этому критерию регион Сибири и Севера очень разнороден: показатели колеблются от 2,3 % для Ханты-Мансийского АО до 8,4 % для Забайкальского края. Лидеры урбанизации (ХМАО, ЯНАО, Магаданская и Мурманская области) имеют и здесь наиболее благоприятные показатели, к ним примыкает Камчатский край. Интересен список регионов с самой высокой долей людей с низким уровнем образования: за исключением Ненецкого АО, в нем нет ни собственно

[10] Приводится только верхняя часть списка. Из таблицы исключены три региона-лидера: Москва (42,1), Петербург (36,5) и Московская область (30,8).

[11] В расчете на тысячу чел., указавших уровень образования.

Таблица 8

Регионы РФ по доле лиц, имеющих высшее образование и выше (%, в порядке возрастания)

Регион	Число лиц с высш. образованием и выше[12]	Регион	Число лиц с высш. образованием и выше
Чеченская Республика	11,8	Брянская обл.	18,5
Курганская обл.	15,3	Вологодская обл.	18,5
Еврейская АО	15,8	Тверская обл.	18,5
Республика Тыва	15,9	Республика Хакасия	18,5
Забайкальский край	16,5	Республика Коми	18,6
Ненецкий АО	16,9	Костромская обл.	18,6
Пермский край	17,2	Псковская обл.	18,7
Кировская обл.	17,3	Астраханская обл.	18,7
Башкортостан	17,5	Дагестан	18,7
Алтайский край	17,6	Кемеровская обл.	18,7
Архангельская обл.	17,7	Псковская обл.	18,7
Республика Ингушетия	18,0	Ульяновская обл.	18,9
Оренбургская обл.	18,2	Новгородская обл.	19,1
Тамбовская обл.	18,3	Амурская область	19,1

«северных»[13], ни европейских регионов — в основном это регионы «Южной Сибири» (см. таблицу 9).

На общем фоне положение в регионах Сибири и Севера далеко не худшее: в группу десяти российских «аутсайдеров» входят только Курганская область, Забайкалье и Алтайский край.

---

[12] В расчете на тысячу чел., указавших уровень образования.

[13] Сведения по Красноярскому краю приведены включая Эвенкию и Таймыр.

Таблица 9

Регионы Сибири и Севера по доле лиц, имеющих начальное образование или без образования (%, в порядке возрастания)

Регион	Доля лиц с начальным или без образования
Красноярский край	6,6
Иркутская обл.	6,6
Еврейская АО	6,7
Новосибирская обл.	6,6
Республика Алтай	7,0
Кемеровская обл.	7,1
Омская обл.	7,5
Ненецкий АО	7,6
Алтайский край	8,3
Забайкальский край	8,4
Курганская обл.	9,8

5. Возраст населения

Данные о возрастных группах населения приведены в таблице 10.

Видно, что только в Карелии доля пожилого населения такая же, как в среднем по РФ; в остальных регионах она ниже, во многих — значительно ниже. Отметим низкую долю пожилых в Ямало-Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО и Тыве. В ЯНАО и ХМАО проживают в основном люди трудоспособного возраста; выходя на пенсию, они покидают эти регионы, чем и объясняется низкий процент пожилых. Это влечет за собой целый ряд демографических характеристик (например, низкий уровень смертности, повышение доли рождений, снижение показателя ряда заболеваний, связанных с пожилым возрастом, — не потому, что живущие здесь не болеют, а потому, что они уезжают болеть в другие регионы. В Тыве же низкая доля пожилых объясняется высокой рождаемостью и высокой смертностью, характерными для еще не завершившегося демографического перехода (подробнее см.: Демографическая ситуация и миграция б.д.).

Таблица 10

Доля различных возрастных категорий по субъектам РФ (%)

	Старше трудо-способного	Трудо-способного возраста	Младше трудо-способного
РФ	22,2	61,6	16,2
Сибирский ФО	20,3	61,9	17,7
Дальневосточный ФО	19,1	63,5	17,4
Алтайский край	22,8	60,8	16,4
Амурская обл.	19,5	62,4	18,1
Архангельская обл.	21,8	61,6	16,6
Еврейская АО	19,3	62,1	18,6
Забайкальский край	17,1	62,2	20,7
Иркутская обл.	19,6	61,4	18,9
Камчатский край	17,3	65,5	17,2
Кемеровская обл.	21,6	61,2	17,2
Красноярский край	19,7	63,0	17,2
Курганская обл.	24,4	59,0	16,5
Магаданская обл.	16,7	66,5	16,8
Мурманская обл.	18,4	65,4	16,2
Ненецкий АО	14,3	62,9	22,8
Новосибирская обл.	22,3	62,4	15,3
Омская обл.	21,0	62,7	16,2
Приморский край	21,5	63,1	15,4
Республика Алтай	14,8	60,1	25,0
Республика Бурятия	16,7	62,1	21,2
Республика Карелия	22,8	61,1	16,1
Республика Коми	17,6	64,6	17,8
Республика Саха (Якутия)	12,7	64,0	23,3
Республика Тыва	9,8	59,7	30,5
Республика Хакассия	19,6	61,7	18,7
Сахалинская обл.	16,7	63,7	16,7
Томская обл.	19,6	63,7	16,7
Тюменская обл.	13,4	67,0	19,6
Хабаровский край	20,7	63,6	15,7
Ханты-Мансийский АО	10,6	69,1	20,3
Чукотский АО	10,3	67,2	22,5
Ямало-Ненецкий АО	7,8	70,2	22,0

6. Длительность проживания

Длительность проживания населения в том или ином регионе — одна из важных характеристик, позволяющая понять, насколько население данной территории постоянно и стабильно или, напротив, мобильно и подвижно.

Данные о длительности проживания в регионах Сибири и Севера, полученные в результате переписи 2010 года, отражены в таблице 11 (см. также: Портрет России 2012: 149–158).

Как показывает статистика, в целом по России 46 % населения живут в том же месте, где они родились. Практически во всех «северных» регионах этот процент ниже, а иногда и значительно ниже; следовательно, население здесь несколько более подвижное, чем в целом по стране. Исключение составляют два региона: Хабаровский край, где доля проживающих с рождения такая же, как в среднем по России, и Кемеровская область, где эта доля выше среднероссийской и составляет 50 %. Оставшиеся регионы можно условно разделить на три группы.

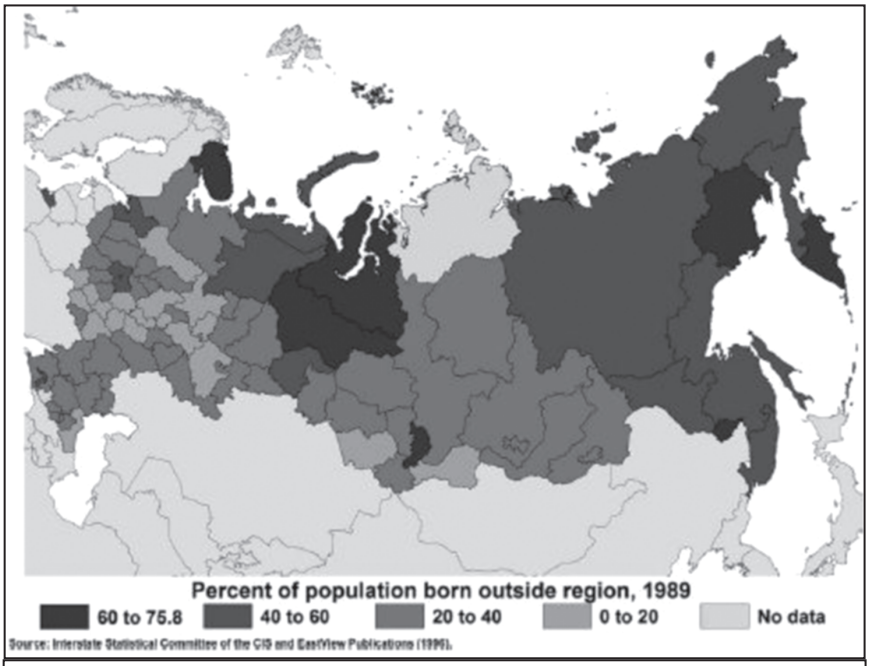
1. Регионы, где доля проживающих с рождения чуть ниже общероссийской (от 40 до 45 %): Архангельская и Курганская области, Ненецкий АО, почти все регионы Сибирского Федерального округа (кроме Алтайского края, Республики Алтай и Хакассии), Якутия, Камчатский край, Приморский край и Сахалинская область.
2. Регионы, где с рождения проживает от 33 до 40 % населения: Коми, Карелия, Мурманская область, Тюменская область целиком, Республика Алтай и Алтайский край, Тыва и Хакассия, Амурская и Магаданская области, Еврейская АО.
3. Три региона, где доля проживающих с рождения минимальна: Ямало-Ненецкий АО (28 %), Ханты-Мансийский АО (29 %) и Чукотский АО (31 %).

Такое положение дел, когда значительная (а иногда и бóльшая) часть жителей регионов Сибири и Севера родились за их пределами, — явление не новое: аналогичная ситуация фиксируется в этих местах и переписями 1979 и 1989 годов. См. карту 1, где отображено состояние, существовавшее к моменту распада СССР.

Таблица 11

Длительность проживания населения по регионам РФ (%)

	Не с рождения	С рождения
РФ	54	46
Сибирский ФО	57	43
Дальневосточный ФО	58	42
Алтайский край	62	38
Амурская обл.	61	32
Архангельская обл.	57	43
Еврейская АО	63	47
Забайкальский край	57	43
Иркутская обл.	55	45
Камчатский край	58	42
Кемеровская обл.	50	50
Красноярский край	60	40
Курганская обл.	60	40
Магаданская обл.	64	36
Мурманская обл.	62	38
Ненецкий АО	56	44
Новосибирская обл.	56	44
Омская обл.	58	42
Приморский край	57	43
Республика Алтай	66	34
Республика Бурятия	57	43
Республика Карелия	62	38
Республика Коми	62	38
Республика Саха (Якутия)	59	41
Республика Тыва	56	44
Республика Хакассия	64	36
Сахалинская обл.	59	41
Томская обл.	58	42
Тюменская обл.	67	33
Хабаровский край	54	46
Ханты-Мансийский АО	71	29
Чукотский АО	69	31
Ямало-Ненецкий АО	72	28



Карта 1
Процент жителей, родившихся за пределами региона проживания
(Heleniak 2009: 37)

Данные переписи 2010 года позволяют выяснить не только количество людей, когда-то мигрировавших в данную местность из других регионов, но и узнать, как давно этот переезд состоялся (Портрет России 2012: 149–158); см. таблицу 12.

Видно, что самые большие доли мигрантов, переехавших в регион до 1991 года, проживают в Мурманской области (60,4 %), Республике Карелия (59,9 %), Архангельской области (59,6 %), а также в Камчатском крае (59,0 %) и Республике Коми (58,2 %). Минимальное число мигрантов, приехавших в советское время, (31 %) в Тыве.

Доля переехавших в последнее время (между переписями 2002 и 2010 годов) в целом по России равна 24 % и при этом сильно варьирует по регионам. Самый большой процент приезжих этого времени среди постоянного населения опять в Тыве (42 %),

Таблица 12

Время переезда в регион проживания (%)

	2010–2003 гг.	2002–1992 гг.	1991 г. и ранее
РФ	23,6	23,2	53,1
Сибирский ФО	26,0	23,7	50,3
Дальневосточный ФО	25,1	22,5	52,4
Алтайский край	26,2	25,3	48,5
Амурская обл.	25,4	23,8	50,8
Архангельская обл.	21,2	19,2	59,6
Еврейская АО	27,5	23,4	49,1
Забайкальский край	30,8	23,7	45,5
Иркутская обл.	24,0	22,1	53,9
Камчатский край	20,1	20,9	59,0
Кемеровская обл.	21,0	22,8	56,2
Красноярский край	25,1	23,9	51,1
Курганская обл.	24,5	21,8	53,7
Магаданская обл.	21,66	23,69	54,65
Мурманская обл.	19,1	20,5	60,4
Ненецкий АО	29,2	23,3	47,5
Новосибирская обл.	26,6	23,2	50,1
Омская обл.	25,0	25,3	49,7
Приморский край	23,1	21,8	55,1
Республика Алтай	35,3	26,1	38,5
Республика Бурятия	33,6	22,8	43,6
Республика Карелия	20,1	20,0	59,9
Республика Коми	20,4	21,4	58,2
Республика Хакасия	25,84	23,94	50,22
Республика Саха (Якутия)	32,2	25,3	42,6
Республика Тыва	41,7	27,2	31,1
Сахалинская обл.	24,4	21,8	53,9
Томская обл.	25,8	22,6	51,6
Тюменская обл.	24,6	26,9	48,5
Хабаровский край	23,4	20,8	55,9
Ханты-Мансийский АО	22,5	27,7	49,8
Чукотский АО	37,1	22,9	40,0
Ямало-Ненецкий АО	24,9	30,9	44,2

Чукотском АО (37 %), Республике Алтай (35 %), Бурятии (34 %) и Забайкальском крае (31 %). Меньше всего их в Мурманской области (19,1 %), около 20 % — в республиках Карелия и Коми, Архангельской области (но не в НАО, где этот показатель значительно выше — 29 %), в Кемеровской и Магаданской областях и Камчатском крае. Максимальный и минимальный показатели по этому параметру различаются более чем в два раза.

Таким образом, население сибирских и северных регионов более подвижно, чем в среднем по России: доля тех, кто имеет за плечами мигрантский опыт, здесь в целом выше, а в некоторых регионах — очень высока. Опыт миграции и высокая мобильность — важные и характерные черты населения почти всех северных регионов. При этом данные регионы существенно различаются между собой как по числу тех, кто в них проживает с рождения, так и по времени переезда основной массы мигрантов: для одних территорий этот процесс уже в прошлом, для других прирост последнего времени значительно превышает среднероссийские показатели.

7. Характеристика этнического состава. Численность коренных малочисленных народов

Этническая карта регионов Сибири и Севера сформировалась в том числе под воздействием особенностей заселения этих территорий в Российской империи: здесь сказывались политика заселения отдаленных окраин, аграрное переселение начала XX века, использование этих территорий для ссылки уголовных и политических преступников и др. Огромное влияние на состав населения оказали события советской истории: индустриализация, сталинские репрессии, промышленное освоение регионов.

Единственный источник сведений об этническом самоопределении жителей России — это переписи населения. Согласно данным переписи 2010 года, в России насчитывалось:

- 7 национальностей, численность которых превышает 1 млн чел.: русские, татары, украинцы, башкиры, чуваши, чеченцы, армяне. Наиболее многочисленная группа — русские (111 млн чел.), они составляют 80,9 % от общей численности населения. Второе место по численности традиционно занимают татары (3,9 % населения). На третьем месте находятся украинцы (1,4 %).

- 22 национальности обозначены в переписи как «наиболее многочисленные», это те, чья численность превышает 400 тыс. чел.: азербайджанцы, даргинцы, удмурты, марийцы, осетины, белорусы, кабардинцы, кумыки, якуты, лезгины, буряты и др.

В таблице 13 даны сведения о народах, численность которых в регионах Сибири и Севера превышает 20 тыс. чел. (источник: Портрет России 2012: 93–101).

Таблица 13

Этнические группы в регионах Сибири и Севера (СиС) с численностью более 20 тыс. чел.

	Всего в России (тыс. чел.)	Доля группы в населении России (%)	Всего в СиС (тыс. чел.)	Какая доля от этой группы проживает в регионах СиС (%)	Какую долю внаселении СиС составляет эта группа (%)
1	2	3	4	5	6
Всего жителей	142 857,0	100	33 423,9	23,4	
Указало этническую принадлежность из них:	137 230,0	96,1	32 187,6		96,3
русские	111 016,9	80,9	27 537,1	24,8	85,6
украинцы	1928,0	1,4	646,2	33,5	2,0
татары	5310,7	3,9	512,1	9,6	1,6
якуты	478,1	0,3	466,5	97,6	1,4
буряты	461,4	0,3	445,6	96,6	1,4
тувинцы	264,0	0,2	249,3	94,5	0,8
немцы	394,0	0,3	218,7	55,5	0,7
коми	228,0	0,2	206,9	90,7	0,6
казахи	647,7	0,5	140,6	21,7	0,4
белорусы	521,4	0,4	124,9	24,0	0,4
азербайджанцы	603,0	0,4	86,1	14,3	0,3
алтайцы	74,2	0,1	68,8	92,7	0,2
хакасы	73,0	0,1	63,6	87,2	0,2

Окончание таблицы 13

1	2	3	4	5	6
чуваши	1435,9	1,0	57,1	4,0	0,2
корейцы	153,0	0,1	53,2	34,8	0,2
узбеки	289,9	0,2	45,7	15,8	0,1
карелы	61,0	0,0	45,6	74,9	0,1
ненцы	44,6	0,03	43,4	97,1	0,1
эвенки	37,8	0,03	37,0	97,7	0,1
ханты	30,9	0,02	30,0	97,1	0,1
эвены (ламуты)	22,4	0,02	22,1	98,7	0,1

Анализ этой таблицы показывает следующее. Свою этническую принадлежность указали 96,3 % жителей Сибири и Севера. В «тройку лидеров» входят те же народы, что и в целом по стране, однако их порядок отличается. Самой многочисленной группой здесь, как и по России, являются русские. В Сибири проживает почти четверть русских страны, и они составляют 85,6 % населения Сибири. Второй по численности этнической группой в Сибири и на Севере являются не татары, как в целом по стране, а украинцы (2 % населения)[14]; в 2010 году практически каждый третий российский украинец проживал в регионах Сибири и Севера. Татары уступают украинцам и занимают третье место: в интересующих нас регионах проживает менее 10 % татарского населения страны; они составляют 1,6 % населения Сибири и Севера.

Есть еще один критерий, по которому можно разделить этнические группы Сибири и Севера, — проживание большинства представителей группы в границах или за пределами этой территории. По этому признаку выделяются два типа.

1. Этнические группы, большая часть представителей которых проживает в России за пределами рассматриваемых регионов (русские, украинцы, татары, корейцы, белорусы, казахи, азербайджанцы, чуваши и т.д.).
2. Этнические группы, подавляющее большинство представителей которых сконцентрировано именно в регионах Сибири

[14] Здесь и далее доля представителей той или иной этнической группы высчитывается не от всего наличного населения, а от населения, указавшего свою этническую принадлежность.

и Севера. Так, здесь проживают 98,7 % эвенов, 97,7 % эвенков, 97,6 % якутов, 97,1 % ненцев, 97,1 % хантов, 96,6 % бурятов, 94,5 % тувинцев, 92,7 % алтайцев, 90,7 % коми, 87,2 % хакасов, 74,9 % карел. Наличие этих групп и составляет особенность этнической карты Сибири и Севера[15].

Еще одна характерная особенность этнической карты Сибири и Севера — то, что здесь живут представители этнических групп, которые обладают особым правовым статусом — «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока» (см. ниже).

По соотношению долей русских и остального населения «северные» регионы можно разделить на несколько групп.

1. Два региона, где численность этнической титульной группы превышает численность русских, — республики Тыва и Якутия. В Тыве тувинцы составляют 82 % населения, русские — 16,3 %. На долю остальных народов приходится 1,7 %. Этот регион обладает наименьшим этническим разнообразием. Следом за Тывой идет Якутия: якутов — 49,9 %, русских — 37,8 %. Здесь этническое разнообразие гораздо выше: более 12 % приходится на другие этнические группы, среди которых равными долями представлены эвенки и украинцы (по 2,2 %), еще 1,6 % приходятся на эвенов. 6,3 % населения Якутии составляют небольшие этнические группы, численность каждой из которых не превышает 1 % населения.
2. Два региона, где численность русских примерно равна численности остального населения, — Республика Алтай (56,6 %) и Чукотский АО (52,5 %). В обоих регионах имеется существенная по численности группа титульного или коренного населения (в Республике Алтай это алтайцы (33,9 %), на Чукотке — группа коренных народов (чукчи, эскимосы, эвены и чуванцы вместе составляют 34,7 %).
3. Похожая ситуация складывается в республиках Коми и Бурятии и в Ненецком АО: здесь несколько выше доля русских (в Коми — 65,1 %, в Бурятии — 66,1 %, в Ненецком АО —

---

[15] Интересно, что, согласно переписи 2010 года, в число народов, проживающих преимущественно в регионах Сибири и Севера, входят российские немцы: 55,5 % немцев было переписано именно здесь.

66,1 %) и имеется значительная группа титульного или коренного населения (в Бурятии 30 % составляют буряты, в Коми 23,7 % — коми, в НАО — 18,6 % ненцы и 9 % коми).

4. В Карелии и Хакассии доля русских еще выше (в Карелии — 82,2 %, в Хакассии — 81,7 %), а на титульную этническую группу приходится меньшая доля населения (карелы — 7,4 %, хакасы — 12,1 %).
5. Далее следуют регионы, в которых доля русских еще выше и нет ни одной крупной этнической группы: нерусское население представлено небольшими этническими группами, доля которых не превышает 3–5 %. Это Архангельская (95 %) и Амурская (94,3 %) области, Алтайский край (93,9 %), Кемеровская (93,7 %) и Новосибирская (93,1 %) области, Еврейская АО (92,7 %), Приморский край (92,5 %), Курганская (92,5 %) и Томская (92,1 %) области, Хабаровский край (91,8 %), Иркутская область (91,4 %), Красноярский (91,3 %) и Забайкальский (89,9 %) края, Мурманская (89 %) и Сахалинская (86,5 %) области, Камчатский край (85,9 %), Омская (85,8 %) и Магаданская (84,1 %) области.
6. Отдельно следует выделить Тюменскую область и особенно ее округа (ЯНАО и ХМАО), где этническое разнообразие достигает своего максимума. Доля русских — 68,1 % в ХМАО и 61,7 % в ЯНАО, доля представителей коренных малочисленных народов в ЯНАО — 9,1 % (ненцы, ханты, коми и селькупы), в ХМАО — 2,6 %. Остальное население этих регионов составляют несколько этнических групп, доля которых превышает 1 % населения (для ХМАО это татары (7,6 %), украинцы (6,4 %), башкиры (2,5 %) и азербайджанцы (1,8 %); для ЯНАО — украинцы (9,7 %), татары (5,6 %), азербайджанцы (1,8 %), башкиры (1,7 %) и белорусы (1,3 %)); а также множество более мелких групп[16].

Что касается ***татар***, то их численность максимальна в Тюменской области (с округами) — 249 тыс. чел.; достаточно велика — в Омской (41,9 тыс. чел.) и Кемеровской (40,2 тыс. чел.) областях; проживают они и в других регионах. Но если смотреть не на абсо-

---

[16] В аналитической публикации, посвященной итогам переписи 2010 года, приведены данные обо всех этнических группах, проживающих в России, чья доля в населении региона больше или равна 0,3 %. Таких групп в ХМАО — 17, в ЯНАО — 14 (Портрет России 2012: 99).

лютные числа, а на долю этой этнической группы в населении советующего региона, то максимальной она окажется в Ханты-Мансийском (7,6 %) и Ямало-Ненецком (5,6 %) АО — выше общероссийского показателя 3,9 %. На всей остальной территории Сибири и Севера доля татар ниже, чем в среднем по России.

Украинцы. Как и в случае с татарами, больше всего украинцев (157,2 тыс. чел.) проживает в Тюменской области (с округами). Однако, в отличие от татар, бóльшая (по сравнению со средней по РФ) доля украинцев характерна не только для Западной Сибири. В России в целом украинцы составляют 1,4 % населения; в большинстве регионов Сибири и Севера доля украинцев выше:

в Ямало-Ненецком АО — 9,7 %
в Магаданской области — 6,5 %
в Ханты-Мансийском АО — 6,4 %
в Чукотском АО — 6,0 %
в Мурманская области — 4,7 %
в Республике Коми — 4,2 %
в Камчатском крае — 3,9 %
в Еврейской АО — 2,8 %
в Приморском крае — 2,8 %
в Омской области — 2,7 %
в Сахалинской области — 2,6 %
в Ненецком АО — 2,4 %
в Якутии — 2,2 %
в Хабаровском крае — 2,1 %
в Республике Карелия — 2,0 %
в Амурской области — 2,0 %

Другие этнические группы

Казахи. В среднем по России казахов насчитывается 647 732 чел. (ок. 0,5 % населения). Большинство казахов, проживающих в регионах Сибири и Севера, сконцентрировано в районах Южной Сибири. Больше всего их живет в Омской области:

Республика Алтай — 12,5 тыс.чел. (6,2 %)
Омская область — 78 тыс. чел. (4,11 %)
Курганская область — 12 тыс. чел. (1,3 %)
Тюменская область — 19 тыс. чел. (0,6 %)
Новосибирская область — 10,7 тыс. чел. (0,4 %).

Во всех остальных «северных» регионах доля казахов еще ниже.

Белорусы. В России насчитывается 521 443 белорусов (ок. 0,4 % населения). В интересующих нас регионах бóльшая часть белорусов сконцентрирована на Европейском Севере и в национальных округах Западной Сибири:

Республика Карелия — 23,3 тыс. чел. (3,8 %)
Мурманская область — 1,25 тыс. чел. (1,7 %)

Ямало-Ненецкий АО — 6,5 тыс. чел. (1,3 %)
Ханты-Мансийский АО — 14,7 тыс. чел. (1 %)
Республика Коми — 8,9 тыс. чел. (1 %).

Немцы. В России насчитывается 394 138 немцев (ок. 0,3 % населения). Самые большие группы проживают в Омской области (50 тыс. чел., 2,6 % населения), Алтайском крае (50,7 тыс. чел., 2,1 % населения), в Новосибирской области (30 тыс. чел., 1,2 % населения). Более чем по 20 тыс. чел. живут в Красноярском крае (0,8 %), Тюменской (0,6 %) и Кемеровской (0,9 %) областях. По сравнению с общероссийской доля немцев также больше в Хакассии (1,1 %), Томской области (0,9 %) и Республике Коми (0,6 %).

Что касается других народов, то максимальная доля ***азербайджанцев*** зафиксирована в Западной Сибири: в Ханты-Мансийском (26 тыс. чел., 1,8 %) и Ямало-Ненецком (9,3 тыс. чел., 1,8 %) АО. Самая большая по численности группа ***корейцев*** проживает в Сахалинской области (25 тыс. чел., 5,3 % населения) и Приморском крае (18 тыс. чел., 1 % населения). Самые большие группы ***узбеков*** живут в Тюменской области (с округами) (14,7 тыс. чел., 0,4 % населения) и Новосибирской области (12,6 тыс. чел., 0,5 % населения). Последняя крупная группа, проживающая как в регионах Сибири и Севера, так и в остальной России, — ***чуваши***. Больше всего их в Тюменской и Кемеровской областях и Красноярском крае, однако во всех регионах Сибири и Севера их доля в населении ниже среднероссийского показателя (1 %).

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС). На территории многих регионов Сибири и Севера проживают этнические группы, обладающие особым юридическим статусом (см. с. 6–7). Численность этих групп сильно варьирует: так, кереков перепись насчитала 4 человека; энцев, тазов и ульта — менее чем по 300 чел.; хантов и эвенков — более чем по 30 тыс. чел.; ненцев — 44 640 чел. Подавляющее большинство представителей этих этнических групп проживают в районах основного расселения; эта доля в последние два десятилетия растет: в 1989 году вне «своих» регионах жило 6,7 % КМНС, в 2002 — 4,3 %, в 2010 — 3,4 % (Богоявленский 2011). О численности этих групп в 2010 году и основных территориях их расселения можно получить сведения из таблицы 14.

Таблица 14

Численность и расселение коренных малочисленных народов РФ по территориям Сибири и Севера на 2010 год

(источник: Богоявленский 2011)

Территория	Народы, которые учтены на этой территории	Численность в 2010 году
Мурманская обл.	саами	1 599
Республика Карелия	вепсы	3 423
Ленинградская обл.	вепсы	1 380
Вологодская обл.	вепсы	412
Архангельская обл.	ненцы	8 020
Республика Коми	ненцы, ханты, манси	559
Свердловская обл.	манси	251
Тюменская обл.	ненцы, ханты, манси, селькупы, эвенки	74 664
Томская обл.	селькупы, ханты, чулымцы, эвенки	2 198
Кемеровская обл.	шорцы, телеуты, кумандинцы	13 417
Алтайский край	кумандинцы	1 401
Республика Алтай	теленгиты, тубалары, челканцы, кумандинцы, шорцы	7 801
Республика Хакасия	шорцы	1 150
Республика Тыва	тувинцы-тоджинцы	1 856
Красноярский край	долганы, эвенки, ненцы, кеты, нганасаны, селькупы, энцы, чулымцы	16 226
Иркутская обл.	эвенки, тофалары	1 950
Республика Бурятия	сойоты, эвенки	6 553
Забайкальский край	эвенки	1 387
Амурская обл.	эвенки	1 481
Хабаровский край	нанайцы, эвенки, ульчи, нивхи, эвены, удэгейцы, негидальцы, орочи	22 549
Приморский край	удэгейцы, нанайцы, тазы	1 429
Сахалинская обл.	нивхи, уйльта, эвенки, нанайцы, орочи	2 934
Камчатский край	коряки, ительмены, эвены, камчадалы, чукчи, алеуты, эскимосы	14 368
Магаданская обл.	эвены, коряки, ительмены, чукчи, камчадалы, юкагиры	4 841
Республика Саха (Якутия)	эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи	39 936
Чукотский АО	чукчи, эскимосы, эвены, чуванцы, юкагиры, коряки, кереки	16 858

Для «коренного населения» важна не только численность той или иной национальности на данной территории, но и какую долю эта группа составляет в населении региона (см. таблицу 15). Если брать за точку отсчета перепись 1959 года, то видно, что регионы уже тогда значительно различались по тому, какую долю составляли КМНС во всем населении: так, в Эвенкии их доля была 33,9 % и превосходила таковую в Мурманской области (0,3 %) в 113 раз. Для 1959 года регионы можно разделить на следующие группы:

- доля КМНС была меньше 10 % — Мурманская область, Сахалин, Хабаровский край, Якутия, Камчатская и Магаданская области;
- доля КМНС не превышала 20 % — Ханты-Мансийский и Ненецкий АО;
- доля КМНС была выше 20 % — Корякский, Чукотский, Таймырский, Ямало-Ненецкий и Эвенкийский АО.

Динамика доли коренного населения в советский период имела разные тенденции в разных регионах: в одних местах эта доля сокращалась, в других оставалась неизменной, а в третьих развивалась по особому сценарию. Такой особый случай мы видим в Корякском АО, где доля КМНС между 1959 и 1970 годом сократилась на 10 %, но затем начала расти и к 1989 году почти сравнялась с послевоенной. Второй регион, где доля коренного населения менялась нестандартным образом, — Ненецкий АО: сначала она увеличилась, потом немного сократилась, а затем снова начала расти; в результате НАО — единственный регион, где доля КМНС за период между 1959 и 1989 годом выросла с 11 до 17,2 %.

За 30 лет (1959–1989) доля КМНС сократилась в семи регионах: в Чукотском АО (с 25,9 до 9,8 %), Таймырском АО (с 20,7 до 15,6 %), Эвенкийском АО (с 33,9 до 15,3 %), Ямало-Ненецком АО (с 22,4 до 6 %), Ханты-Мансийском АО (с 14,5 до 1,6 %), в Магаданской (с 5,4 до 3,8 %) и Камчатской (с 4 до 2,6 %) областях. Во всех случаях это сокращение было вызвано не снижением численности КМНС, а ростом числа пришлого населения. Из таблицы 15 видно, что динамика сокращения доли КМНС в регионах была разной: например, на Таймыре падение было менее значительным и более плавным, чем на Чукотке, где между 1959 и 1970 годом доля КМНС упала вдвое. Напротив, на Ямале доля КМНС сначала плавно снижалась, но между 1970 и 1989 годом произошло стремительное

Таблица 15

Изменение доли коренных малочисленных народов Севера в соответствующих регионах по данным переписей 1959–2010 годов (%)

(сост. по: Соколова, Степанов 2007: 88; Перепись 2010)

Регион	Чел.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Корякский АО	10 240	27,7	17	24,6	25,1	40,7	
Чукотский АО	16 865	25,9	13	10,0	9,8	31,3	35,3
Таймырский АО	9879	20,7	20	17,3	15,6	24,8	
Эвенкийский АО	4080	33,9	25	21,5	15,3	23,1	
Ненецкий АО	7782	11,0	15	12,8	17,2	18,7	18,6
ЯНАО	37 288	22,4	22	16,2	6,0	7,4	8,2
ХМАО	28 498	14,5	7	3,2	1,6	2,0	2,2
Республика Саха (Якутия)	33 140	2,8	2,5	2,2	2,8	3,5	4,2
Магаданская обл.	4995	6,4	4,6	3,8	3,8	2,7	2,7
Хабаровский край	23 875	1,5	1,5	1,3	1,3	1,7	1,8
Архангельская обл.	8438		0,5	0,5	0,5	0,6	0,6
Сахалинская обл.	3272	0,4		0,4	0,4	0,6	0,5
Республика Бурятия	5166		0,2	0,2	0,2	0,5	0,7
Томская обл.	3480			0,3	0,2	0,3	0,7
Мурманская обл.	2123	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Агинский Бурятский АО	170		0,3			0,2	
Амурская обл.	1653		0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Читинская обл.	1603		0,13	0,11	0,12	0,14	
Приморский край	2064		0,09	0,07	0,07	0,1	0,07
Иркутская обл.	2435		0,07	0,08	0,08	0,09	0,1
РФ в целом	252 222					0,17	

ее сокращение (с 16 до 6 %). Падение доли КМНС здесь произошло на два десятилетия позже, чем на Чукотке. В четырех регионах (Якутии, Бурятии, Мурманской области и на Сахалине) доля коренного населения в этот период менялась не так резко.

Нетто-миграция (*сальдо миграции, чистая миграция*) — разность между числом прибывших на какую-либо территорию и числом выбывших с нее за определенный период.

Брутто-миграция (*валовая миграция, миграционный оборот*) — все миграционные перемещения населения каждой территориальной единицы (см.: Демографический понятийный словарь 2003).

Существенные изменения в доле КМНС произошли после распада СССР. Доля коренного населения в большинстве регионов Сибири и Севера начала расти и к 2002 году превзошла послевоенные показатели. Это произошло в Архангельской области, Ненецком АО, Бурятии, Корякии, на Чукотке, в Эвенкии, на Сахалине, в Томской области и Хабаровском крае. Исключение составили Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО и Магаданская область: в ЯНАО и ХМАО доля коренных народов к 2002 году выросла, однако осталась значительно ниже, чем была в 1959 году. В Магаданской области падение доли КМНС среди населения продолжилось и между 1989 и 2002 годом. При сопоставлении данных переписи 2010 года с предыдущими (в тех случаях, когда они доступны[17]) можно увидеть, что ситуация в большинстве регионов в этот период стабилизировалась и доля коренного населения осталась фактически на прежнем уровне (колебания составляют менее 1 %). Исключение — Чукотка, где доля коренного населения выросла на 4 %.

На изменение доли КМНС оказывают влияние три основных фактора: (а) демографический прирост или убыль численности группы, (б) рост или сокращение числа другого населения региона и (в) изменения этнической идентификации в сообществе. Резкое снижение доли коренного населения в советский период было вызвано не сокращением абсолютной численности интересующих нас этнических групп вследствие превышения смертности над рождаемостью, а главным образом притоком мигрантского населения в регионы и процессами, связанными со сменой этнической самоидентификации. На рубеже 1990-х годов начались обратные

[17] В 2000-е годы в РФ произошли административные преобразования, в результате которых были ликвидированы некоторые автономные округа. Данные о населении этих территорий теперь не приводятся отдельно, что затрудняет сопоставление результатов последней и предыдущих переписей (по этой причине в таблице 15 не приведены данные о доле КМНС на реформированных территориях).

процессы: отток «пришлого» населения (см. следующий раздел) и рост национального самосознания (см. подробнее: Богоявленский 2004).

8. Динамика численности населения. Западный дрейф

Важное влияние на изменение численности населения Сибири и Севера оказывает миграция. В советское время население интересующих нас регионов также формировалось во многом за счет приезжего населения, однако после распада СССР в миграционных процессах произошли значительные изменения. Во-первых, в 1990-е годы по всей стране резко сократился общий объем миграций (он достиг позднесоветского уровня только к 2010-м годам). Во-вторых, с конца 1980-х годов изменилось направление потоков миграции, начался процесс, который демографы назвали «западным дрейфом». Этот процесс идет до сих пор.

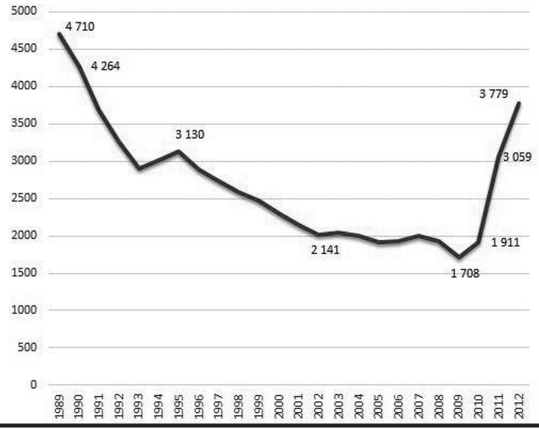


Рис. 2
Число внутрироссийских мигрантов (тыс. чел.)
(источник: Росстат, данные текущего учета;
цит по: Мкртчян, Карачурина 2014)[18]

[18] Резкий рост числа мигрантов после 2011 года исследователи связывают в первую очередь не с переменами в самой миграции, а с изменившейся методикой учета.

Западный дрейф — это демографический макропроцесс, который идет на территории нашей страны и имеет большое значение для северных и сибирских регионов. Суть его состоит в следующем. На протяжении нескольких столетий население России двигалось на север и восток. Аграрное перенаселение центра европейской части страны, необходимость освоения Севера и Сибири, индустриализация восточных районов, резко усилившаяся в годы войны в связи с эвакуацией заводов, послевоенное развитие экономики — вот основные причины, сопровождавшие (не всегда добровольное) переселение. В послевоенные годы рост населения на севере и востоке страны был связан в первую очередь с промышленным освоением этих территорий, которое часто велось в форме ударных комсомольских строек и притягивало молодежь. Отток населения шел из Центрально-Черноземного, Волго-Вятского и Уральского экономических районов (первые два теряли население с конца XIX века, Урал — с 50-х годов XX века), ряда регионов Центра и Поволжья. (Одновременно устойчиво притягивали население Москва, Ленинград и некоторые расположенные вблизи них области.)

После 1991 года картина территориального движения населения России изменилась коренным образом, прервав надолго (возможно, навсегда) длившееся несколько столетий движение населения на север и восток и создав обратный тренд — на запад и юг. Привлекательными в миграционном отношении стали центральные и юго-западные регионы страны (сюда одновременно шел приток вынужденных мигрантов и репатриантов из бывших республик, а также демобилизованных военных из расформированных воинских частей) (Зайончковская 1999). В 2000-х этот процесс не остановился и, согласно докладу Института демографии, опубликованному в 2013 году, «западный дрейф» по-прежнему остается осевым вектором внутрироссийских миграций (Мкртчян, Карачурина 2013: 447).

Постепенно этот процесс захватывал все новые регионы нашей страны: терять население в пользу юго-западных и центральных районов начали уже не только Север и Сибирь, но и Северный Кавказ и Приволжский округ. О масштабах перераспределения населения между восточными и западными регионами страны, обусловленного западным дрейфом, можно судить по данным, приведенным в таблице 16.

Таблица 16

Западный дрейф в российских миграциях
(результаты межрегионального обмена населением, 1991–2012 годы, тыс. чел.)
(источник: Зайончковская и др. 2015: 306)

Годы	**Миграционный прирост (убыль)**					
	Округов европейской части* в обмене с округами азиатской части** страны	Уральского ФО в обмене с округами европейской части страны	Уральского ФО в обмене с округами азиатской части страны	Сибирского ФО в обмене с округами европейской части страны	Сибирского ФО в обмене с Дальне-восточным ФО	Дальне-восточного ФО в обмене с округами европейской и азиатской части страны
1991–2000	92,9	–14,2	6,8	–29,5	10,9	–67,0
2001–2010	56,3	–8,6	4,5	–28,5	2,1	–25,4
в том числе:						
2001–2005	54,8	–7,4	4,8	–28,0	1,3	–25,5
2006–2010	57,7	–9,8	4,2	–29,8	3,0	–25,3
2011	73,6	–6,2	8,1	–43,2	2,5	–32,4
2012	80,4	–5,4	7,1	–39,6	3,1	–36,0
2013	107,8	–21,0	4,6	–54,9	2,8	–39,3

* Центральный, Северо-Западный, Южный, Северокавказский, Приволжский федеральные округа
** Уральский, Сибирский, Дальневосточный федеральные округа

Из таблицы видно, что все азиатские регионы теряли и теряют население в обмене с европейской частью страны. Отрицательный полюс западного дрейфа долгое время находился в самых восточных регионах: в 1990-е годы Чукотский АО и Магаданская область потеряли половину населения, Камчатская область — 19 %, Сахалинская — 15 %. Потери продолжались и позже, правда, не с такой интенсивностью — возможно, потому, что миграционный потенциал регионов серьезно сократился. Отток населения происходил и в более западных частях азиатской части России (регионах Уральского федерального округа и юго-западной части Сибирского округа), но эти территории получали определенную компенсацию за счет переезда сюда населения из более восточных регионов (это видно, если сравнить, например, цифры обмена населения Сибирского округа с Дальневосточным и Уральским — во все годы из Сибирского округа уезжают на запад страны и приезжают с востока).

Отток населения затронул не только азиатскую часть страны, но и Европейский Север, который, хотя и находится географически на западе страны, не получает населения в результате западного дрейфа. За 1991–2003 годы только за счет внутрироссийской миграции население здесь сократилось на 10 %. В следующий период сокращение населения продолжалось, хотя и не столь высокими темпами. Этот миграционный поток оседает в центральных и южных регионах. Наиболее активно жители Европейского Севера переезжают в Санкт-Петербург с областью: по мощности потока из регионов Европейского Севера северная столица обошла Москву.

В настоящее время выделились главные центры притяжения миграции с востока и севера. Самый крупный из них — Москва

«Оценки масштабов временной трудовой миграции россиян сильно разнятся, высказываются даже мнения, что в России сегодня 15–20 млн семей живут за счет отходничества и есть местности, где до 80 % трудоспособного населения уходят в отхожие промыслы. Так ли это? Надежных данных, позволяющих это подтвердить, нет <…>. Наличие работы в другом регионе не всегда ведет к временной трудовой миграции, часто имеет место маятниковая (суточная) миграция <…>. Если исключить из рассмотрения суточную миграцию, а также поездки на работу в другой город (район), в 2012 году число временных трудовых мигрантов составляло 1 563 тыс. чел., из них 19 % посещали дом раз в неделю, 39 % — 1–2 раза в месяц, 42 % — реже 1 раза в месяц» (Мкртчян, Карачурина 2014).

и Московская область, второй по притягательности — Санкт-Петербург, который уступает столичному региону по значимости, но при этом привлекателен именно для жителей Сибири и Севера: их доля в притоке сюда выше, чем в Московский столичный регион. Третий по значимости — Краснодарский край. В азиатской части страны на данный момент от западного дрейфа выигрывают Новосибирск, Тюмень, Екатеринбург и Томск (Зайончковская и др. 2015: 306).

В результате западного дрейфа восточные регионы РФ потеряли в 1990-е годы почти миллион человек; если учесть нехватку населения на востоке страны, выявленную переписью 2002 года, то общие потери за весь период возрастают до 1 800 000 чел. В 2000-е годы западный дрейф несколько ослаб, прежде всего за счет сокращения миграционной убыли населения Дальнего Востока. Однако результаты переписи 2010 года вновь заставили пересмотреть масштабы западного дрейфа: регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока «недосчитались» 642 тыс. чел. (от расчетной на дату переписи численности населения). Основная часть этого отклонения — западный дрейф. По оценке «Демоскопа», за два десятилетия масштабы западного дрейфа, таким образом, составили почти 3 млн чел., или около 150 тыс. ежегодно (Мкртчян, Карачурина 2014).

9. Трудовая миграция

При оценке динамики численности населения Севера и Сибири необходимо учитывать и так называемую *трудовую миграцию*. Сюда относятся ситуации, когда место работы не совпадает с регионом проживания. В отличие от случая западного дрейфа, трудовые мигранты стремятся не только в европейскую часть России, но и в Сибирский регион. По данным на 2012–2013 годы этот процесс захватывает порядка 2,3 % занятого населения России, или около 1,5 млн человек[19].

Сформировалось два основных центра притяжения трудовых мигрантов — Московский регион (в нем трудится более полови-

[19] По данным переписи 2010 года в России 65,7 млн чел. занятого населения в возрасте от 15 до 72 лет.

ны всех мигрантов) и Тюменская область (с округами), к которым тяготеет в общей сложности около 17 % мигрантов. Граница распределения ресурсов проходит по Волге: те, кто проживают к западу от нее, ищут счастья в Москве и Московской области, обитатели восточных областей скорее поедут в Тюменскую область. Санкт-Петербург как центр притяжения трудовых мигрантов значительно уступает этим двум регионам.

Во многих областях Сибири и Севера трудовые мигранты составляют существенную долю населения: в Ямало-Ненецком АО — 21 % всех работающих, в Ненецком АО и Тюменской области — по 18 %, в Ханты-Мансийском АО — 11,3 %, в Чукотском АО — 5,3 %. Для сравнения: в Москве мигранты составляют 10,8 % работников.

«Наибольшие миграционные потери наблюдаются в Алтайском крае, где отрицательное сальдо миграции составило почти 5 тыс. человек за год, а также в Республиках Тыва и Бурятия — более 4 тыс. человек. В Сибирском округе вообще нет ни одного региона с положительным внутрироссийским сальдо миграции! Исключением являются Новосибирск (как столица округа) и в меньшей степени — Томск (это университетская столица Сибири, в вузы Томска традиционно едут учиться студенты всего региона). Сложившаяся ситуация с внутренними миграциями свидетельствует о том, что люди уезжают туда, где есть хорошая работа, перспектива получения качественного образования, возможность самореализации» (Смирнова 2011).

Таким образом, регионы Сибири и Севера теряют постоянное население вследствие западного дрейфа и приобретают временных жителей в результате трудовой миграции; при этом потери населения приходятся практически на все территории Сибири и Севера, а приобретения характерны только для некоторых регионов.

Литература

Богоявленский 2004 — Богоявленский Д. Вымирают ли народы Севера? // Полит.ру. 2004, 24 авг. <http://polit.ru/article/2004/08/24/demoscope165/>.

Богоявленский 2011 — Богоявленский Д. «Демограф: “На численность народов в России влияют не только рождаемость и смертность”» // Finougr.ru 2011, 27 дек. <http://finugor.ru/

news/demograf-na-chislennost-narodov-v-rossii-vliyayut-ne-tolko-rozhdaemost-i-smertnost>.

Демографическая ситуация и миграция б.д. — Демографическая ситуация и миграция // Независимый институт социальной политики <http://atlas.socpol.ru/overviews/demography/index.shtml#structure>.

Демографический понятийный словарь 2003 — Демографический понятийный словарь / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2012/Demograf%20ponyatini%20slovar.pdf>.

Зайончковская 1999 — Зайончковская Ж. А. Россия: миграции в разном масштабе времени. М.: Центр проблем изучения вынужденной миграции, 1999. (Центр проблем изучения вынужденной миграции. Научные доклады. Вып. 1).

Зайончковская и др. 2015 — Зайончковская Ж. А., Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграция и население // Население России 2013: Двадцать первый ежегодный демографический доклад. М.: ИД Высшей школы экономики, 2015. Гл. 6. С. 296–357.

Мкртчян, Карачурина 2013 — Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. Внутрироссийские миграции // Население России 2010–2011: Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. Гл. 9. С. 444–473. <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/116491284>.

Мкртчян, Карачурина 2014 — Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. 2014. № 595–596. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php>.

Перепись 2010 — Перепись 2010: Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. <www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls>.

Портрет России 2012 — Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf>.

Смирнова 2011 — Смирнова Т. Б. Будет ли российское могущество прирастать Сибирью? // Антропология социальных перемен: Сб. ст. к 75-летию В. А. Тишкова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 579–594. <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1816.pdf>.

Соколова, Степанов 2007 — Соколова З. П., Степанов В. В. Коренные малочисленные народы Севера: Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 75–95. <http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/ 2007/Sokolova_Stepanov_%202007_5.pdf>.

Heleniak 2009 — Heleniak T. E. The Role of Attachment to Place in Migration Decisions of the Population of the Russian North // Polar Geography. 2009. Vol. 32. No. 1–2. P. 31–60.

НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ И СЕВЕРА

Материалы к учебнику

Оригинал-макет и дизайн обложки *Н. И. Пашковской*

Подписано в печать 00.00.2016. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 4,4. Уч.-изд. л. 4.
Тираж 70 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.
Тел. (812) 622-01-23